

СКАИ ДЖЕВС

18+

До последнего
прилива

18+

Скай Джевс

До последнего прилива

«Автор»

2026

Джевс С.

До последнего прилива / С. Джевс — «Автор», 2026

Восемь лет назад Арсений не пришёл на пирс. Ника ждала его до темноты, а потом получила короткое сообщение: «Уезжаю. Не ищи». Теперь она возвращается в родной город, чтобы продать семейный отель. И узнаёт: вторую половину «Маяка» уже купил мужчина, которого она так и не смогла забыть. У них сорок шесть дней под одной крышей. Раздельные номера, общие решения и слишком много причин держаться друг от друга подальше. Только одно случайное прикосновение способно разрушить всё, что Ника выстраивала восемь лет. Он хочет вернуть её доверие. Она хочет понять, почему он тогда ушёл. Но правда о прошлом опаснее ревности, а страсти недостаточно, чтобы научиться любить по-другому. Современный любовный роман о втором шансе, взрослом выборе и желании, которому трудно сопротивляться. Завершённая история. 18+.

© Джевс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек с тазом	5
Глава 2. Несущие стены	11
Глава 3. На моей стороне стола	16
Глава 4. Выше уровня моря	22
Глава 5. Другая дорога	28
Глава 6. Недостающая половина	35
Глава 7. Вода держит	40
Глава 8. Свет, который можно оставить	45
Глава 9. За столом напротив	49
Глава 10. На расстоянии вдоха	54
Глава 11. Встань ближе	58
Глава 12. Один танец	62
Глава 13. Свои причины	66
Глава 14. Вопрос без удобного ответа	73
Г	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Скай Джевс

До последнего прилива

Глава 1. Человек с тазом

Ника

Арсений Ветров стоял на кровати моей матери и держал под потолком таз.

Я успела подумать, что восемь лет представляла эту встречу совершенно неправильно. В моих версиях я всегда была в чём-нибудь красивом. Он замечал меня издали, говорил моё имя и делал шаг, после которого я могла либо уйти, либо остаться. В некоторых особенно жалких версиях он даже извинялся.

Ни в одной не было моего чемодана с оторванным колёсиком, мокрых кроссовок и мужчины, балансирующего в носках на покрывале с жёлтыми ирисами.

— Только не ставь сумку, — сказал он.

Я всё-таки поставила.

Под подошвой хлюпнуло.

— А вот теперь подними.

Он произнёс это спокойно, как будто мы виделись утром. Как будто я ненадолго уходила за хлебом и вернулась раньше, чем они успели убрать последствия небольшой домашней катастрофы.

Я подняла сумку.

На полу у батареи стояло ведро. В него падали редкие тяжёлые капли. По обоям над окном расплзлось пятно, похожее на неправильную карту, и мужчина у стремянки прижимал к стене что-то поролоновое.

— Тимур, — представился он, заметив меня. — Здравствуйте. Хозяйка?

— Дочь.

Почему-то именно это слово далось с трудом.

Тимур кивнул, будто получил полезную техническую информацию.

— Там на техническом этаже подводка лопнула. Уже перекрыли, сейчас остатки соберём. Вызвали сантехника, он едет. Вы не пугайтесь.

Я смотрела на Арсения.

Восемь лет — достаточное время, чтобы перестать узнавать человека по фотографиям. Недостаточное, чтобы забыть его руки.

Он держал таз за обод, и на правом запястье под кожей темнела тонкая вена. У основания большого пальца был свежий порез. Я знала эту привычку — не замечать мелких повреждений, пока кто-нибудь не скажет, что опять идёт кровь.

Теперь чужой кто-нибудь, подумала я.

— Слезь, — сказала я.

Арсений посмотрел вниз.

— Через минуту.

— С кровати моей матери.

Он поднял на меня глаза. Серые. Это оказалось самой обидной подробностью: глаза не изменились. У виска добавилась маленькая светлая складка, подбородок стал жёстче, тёмные волосы он теперь стриг короче, но смотрел всё так же — прямо, словно у нас никогда не было причин прятать взгляд.

— Я положил плёнку, — ответил он. — Сухую. Под покрывалом. Если сейчас уберу таз, вода пойдёт на изголовье.

Тимур тихо переставил ведро. Он явно хотел оказаться в любом другом месте.

Я сделала шаг, нашла на тумбочке ещё один таз — маленький, для стирки, с отколотой ручкой — и подняла над головой.

— Передавай.

— Он тяжёлый.

— Я это уже поняла по содержимому.

На секунду в уголке его рта дрогнуло что-то до неприличия знакомое. Прежде он улыбался мне так, когда я спорила с людьми, которые принимали вежливость за слабость.

Он не имел права улыбаться мне прежде.

Арсений осторожно сдвинул свой таз к краю. Вода плеснула, когда я подставила маленький под струю, и зашипела у меня на запястье — не горячая, просто неприятно холодная.

Его пальцы легли поверх моих.

— Вот так. Я держу.

Сказать «не трогай» было бы разумно. Но я почему-то сразу почувствовала, как близко его колено к моему плечу, как пахнет мокрый хлопок его футболки, и разозлилась так сильно, что перестала слышать воду.

— Отпусти, — сказала я.

Он отпустил.

Тимур забрал тяжёлый таз, Арсений спустился на пол и отодвинулся, не пытаясь помочь мне насильно. Я продолжала стоять с поднятыми руками, как человек, который явился совершить эффектный выход и получил вместо этого хозяйственное поручение.

— Здравствуй, Ника.

Он наконец произнёс моё имя.

Я посмотрела на часы над дверью. Они остановились на без двадцати четыре. Раньше мама каждый месяц жаловалась, что отец забывает менять в них батарейку, а потом сама вставала на стул. В апреле отец умер. На дворе было шестое июня. Часы по-прежнему стояли.

— Что ты здесь делаешь?

— Держал таз.

— Сейчас не самое удачное время для твоего чувства юмора.

— Согласен.

Он сказал это без улыбки, и от этого мне стало хуже.

Если бы он был грубым, я могла бы ответить грубостью. Если бы начал оправдываться — не слушать. Но он стоял в двух шагах, высокий, мокрый, усталый, и не давал мне удобного повода повернуть наш разговор в скандал.

— А вы знакомы, — осторожно заметил Тимур.

— Нет, — сказала я.

Арсений не поправил.

Когда пришёл сантехник, меня наконец сменили. Я вытерла ладони о джинсы, забрала чемодан и пошла вниз. Никто не стал спрашивать, куда я направляюсь. Хорошо. Любое участие могло оказаться последней каплей, а капель здесь и без меня хватало.

* * *

На стойке регистрации лежал апельсин.

Один, в бумажной салфетке. Будто кто-то начал завтракать в прошлом году, отвлёкся и решил, что обязательно вернётся.

— Это мой, — сказала Марина. — Не осуждай. До обеда не добралась.

Она вышла из подсобки с полотенцами под мышкой и на мгновение остановилась. Я помнила её чёрной и очень прямой, с круглым карандашом за ухом. Волосы теперь были почти полностью седыми, карандаш остался.

— Ника.

Мы обнялись через полотенца. От неё пахло стиральным порошком и тем кремом для рук, который она всегда покупала по акции сразу по три тюбика.

— Ты бы позвонила с дороги.

— Хотела сюрприз.

— Получился?

Я невольно посмотрела на потолок.

— С двух сторон.

Марина положила полотенца на стойку, сдвинула апельсин и предложила мне стул. Отказаться означало бы упасть посреди вестибюля из принципа, а мне ещё предстояло сегодня проявить достаточно глупости без этого.

— Он давно здесь? — спросила я.

Марина не сделала вид, будто не поняла.

— Третью неделю. Олег всё оформил в мае. Я думала, ты знаешь.

— Что именно оформил?

Она медленно сняла очки.

— Продажу своей доли.

В вестибюле было тихо. За дверью двигалась улица: прокатился по плитке чей-то скейт, хлопнула дверца машины. На стекле ещё держалось белое объявление о сезонном закрытии. Внизу листа отец обещал открыть отель к лету и поставил свою подпись — крупную, сердитую.

— Кому?

Я знала ответ до того, как спросила.

— Арсению.

Я достала телефон и набрала дядю Олега. Он отклонил вызов. Через несколько секунд пришло сообщение: «На встрече. Документы у бухгалтера, потом наберу».

Потом. В нашей семье самые неприятные вещи всегда происходили между «не сейчас» и «потом».

— Он собирается здесь жить? — спросила я.

— Пока работает.

— Он собирается здесь работать?

Марина смотрела на меня с осторожностью, которую я ненавидела ещё школьницей. Так взрослые смотрели, когда уже знали, что случилось, но надеялись, что ты самостоятельно подберёшь удобную им реакцию.

— Ника, я не знаю, о чём вы договоритесь. Правда. Я заказы принимаю и людей ищу. Остальное решаете вы.

Она указала на две тонкие папки за монитором.

— Здесь всё, что просил твой нотариус. И по работе. Не сегодня, если с дороги тяжело.

Я вытянула ближнюю папку. Сверху лежал список фамилий. Четыре человека. Напротив каждой — две суммы, выделенные жёлтым.

— Это что?

Марина посмотрела на лист.

— Зарплата. За апрель и май.

Я подняла глаза.

— Вы не получили?

— Часть получили. Остальное ждём.

Я вдруг очень ясно вспомнила отцовский кабинет: дубовый стол, два телефона, бутылка дорогого виски, которую он открывал только для важных людей. В марте он звонил и уверял, что дела идут нормально. В апреле я хоронила его и подписывала бумаги, почти не читая, потому что на каждой встрече кто-нибудь говорил мне, что сейчас главное — держаться.

Оказалось, пока я держалась, другие ждали зарплату.

— Почему ты мне не сказала?

Марина взяла свой апельсин.

— В апреле у тебя умер отец, Ника.

— В мае он уже тоже был мёртв.

Слова прозвучали жестоко. Я увидела, как у неё напряглось лицо, и опустила папку.

— Прости. Я не на тебя.

— Знаю.

Она села напротив и начала чистить апельсин. Кожура рвалась крупными кусками, воздух становился резким, сладким. Мне хотелось отнять у неё фрукт и самой вычистить все белые прожилки, как когда-то делала мама для меня.

Вместо этого я раскрыла папку.

* * *

В свой номер я поднялась ближе к вечеру.

Марина дала мне двенадцатый — с боковым видом на море. Номер моей матери решили сушить; родительскую квартиру над кухней ещё не разбирали. Я не спросила, почему мне не предложили поселиться там. В чужой постели пока было проще, чем среди вещей отца.

Телефон зазвонил, когда я раскладывала на комод зарядки.

— Ты доехала? — спросила мама.

— Да.

— Голос усталый.

— Пять часов в дороге с женщиной, которая всю дорогу разговаривала с собакой по видеосвязи.

— Собака хотя бы отвечала?

Я села на край кровати.

— Иногда. В основном обижалась.

Мама тихо рассмеялась. Я посмотрела на свой чемодан, на тонкий белый след от вазы на комод, на дверь в ванную. Впервые за день стало возможно вдохнуть до конца.

— Номер нормальный?

— Нормальный. В твоём вода потекла, но уже чинят.

Пауза получилась такой короткой, что я могла бы её не заметить.

— Там давно пора всё проверить.

Я подцепила ногтем засохшую краску на ручке чемодана.

— Марина сказала, Олег продал свою половину.

— Сказал мне вчера.

— И ты не позвонила?

— Я узнала, что он продал. Кому — не сказал.

Врать маме было трудно. Она не допрашивала, просто всегда оставляла достаточно тишины, чтобы я перестала притворяться сама.

— Арсению.

Я услышала, как она поставила чашку.

— Ты с ним виделась?

— Он встретил меня с тазом.

Мама помолчала ещё немного.

— Не знаю, что на это ответить.

— Я тоже не нашла хорошего варианта.

Она не стала спрашивать, как он выглядит. Я была ей за это почти благодарна. Почти — потому что сама уже успела заметить слишком многое.

— Ты приехала разобраться с отелем, — сказала она наконец. — С ним разберись. Остальное потом, если захочешь.

— У вас у всех любимое слово «потом»?

— У нас с тобой сейчас любимое слово «если».

Я закрыла глаза.

— Я позвоню завтра.

— И поешь, Вероника.

Полное имя означало, что спорить бесполезно.

* * *

Арсений ждал не у моей двери, а внизу, за столом в пустом ресторане.

Это почему-то имело значение.

Когда я вошла, он поднялся. На нём была другая футболка, сухая, тёмно-синяя. Волосы ещё оставались мокрыми после душа. На столе стояли две тарелки с макаронами, нарезанные огурцы и бутылка обычной воды.

— Марина сказала, ты не обедала.

— Марина выдаёт обо мне информацию любому совладельцу?

— Только голодному.

Я посмотрела на макароны.

— Ты готовил?

— Нет. Слишком много причин для ненависти в один день было бы нечестно. Тимур привёз.

Я села.

Есть в его присутствии оказалось неожиданно тяжело. Я помнила, как мы однажды ели черешню прямо из пакета, и он вынимал косточки из моей ладони, потому что я держала в другой руке камеру. Воспоминание было таким телесным, что я положила вилку.

— Я хочу продать долю.

— Марина сказала.

— Тогда не будем тратить время.

Он провёл большим пальцем по краю стакана. Порез на руке теперь закрывал аккуратный пластырь.

— Я не смогу выкупить твою половину сейчас. Все свободные деньги ушли в покупку у Олега и первые работы.

— Я найду другого покупателя.

— Найдёшь.

Ответ не был ни угрозой, ни обещанием помешать, и я снова осталась без готовой реплики.

— Но сначала посмотри, что здесь происходит, — добавил он. — Полностью. Не два списка и мокрый потолок.

— Я уже видела список зарплат.

— Я тоже.

— И?

— Часть закроем на неделю. За остальное отвечать придётся вместе.

— Ты купил себе очень неудобное место.

Арсений посмотрел в открытое окно ресторана. За ним темнело море. В стекле оставался светлый прямоугольник неба, а ниже двигался край занавески.

— Знаю.

Это короткое слово впервые прозвучало так, будто речь была не только об отеле.

Я взяла вилку. Макароны успели остыть, но я всё равно съела несколько ложек и только после этого поняла, насколько голодна.

Он не смотрел, как я ем. Раскрыл папку, подвинул ко мне лист. На нём было всего несколько строк и дата — двадцать первое июля.

— Что это?

— День, к которому мы можем открыть основной корпус после всех проверок. Если начнём сейчас. Остальное обсудим со специалистом, не будем обещать заранее.

— Мы?

— Если согласишься.

Я прочитала дату ещё раз.

— Ты серьёзно предлагаешь мне остаться здесь на полтора месяца?

— На сорок шесть дней.

Он запомнил цифру. Конечно, запомнил. Раньше он помнил, через сколько минут я освобожусь с практики, и приходил ровно тогда, когда я начинала поглядывать на дверь.

Раньше, кроме последнего раза.

— А потом?

— Потом решишь, хочешь ли продавать то, что получится. Или то, что не получится.

За окном хлопнула ставня. Арсений машинально повернул голову, проверяя звук, а я успела посмотреть на его шею, на едва заметный шрам под ухом и на свои руки поверх листа.

Я приехала сюда закончить одно дело и уехать.

— Если я останусь, — сказала я, — условия буду ставить тоже я.

Он кивнул.

— Именно поэтому я тебя и спрашиваю.

Глава 2. Несущие стены

Арсений

Ника оставила тарелку на столе и ушла, не пообещав вернуться.

Я не пошёл за ней.

В доме, где полгода ничего не происходило без скрипа и грохота, её шаги почти не были слышны. Кроссовки, тонкая резиновая подошва, небольшая задержка на шестой ступени. Та же самая: там ступень была выше других, и любой человек, проживший в отеле достаточно долго, незаметно для себя начинал её учитывать.

Я посмотрел на тарелку. Макароны она съела, огурцы оставила.

Не любила огурцы после того, как они полежат рядом с горячим. Когда-то я считал знание таких вещей близостью. Сейчас это было просто бесполезное знание, которое никак не меняло того, что я сделал.

Я отнёс посуду на кухню, вымыл и поставил сушиться.

— Нормально поговорили? — спросил Тимур из дверей.

Он уже собрался домой, держал под мышкой рабочую куртку. На лбу осталась белая полоса от штукатурки.

— Не знаю.

— Ну, макароны в стену не полетели.

— Это не её способ разговаривать.

Тимур посмотрел на меня внимательнее.

— А какой её?

Я открыл рот и закрыл.

Восемь лет назад я знал, как разговаривает Ника Белова. Она могла целую минуту улыбаться человеку, пока тот начинал думать, будто выиграл спор, а потом одним вопросом вытаскивала из его истории самый слабый шов. Если злилась по-настоящему, говорила тише. Если ей было больно, переставала смотреть прямо.

Но всё это относилось к девушке, которую я оставил на пирсе. Женщину, приехавшую сегодня в отель, я видел впервые.

— Увидим, — сказал я.

Тимур кивнул на ключи в моей руке.

— Ты надолго в крыло?

— На полчаса. Проверю, как после дождя.

— Полчаса, — повторил он, не скрывая недоверия. — Я завтра в восемь. Если начнёшь разбирать несущие стены ночью, хотя бы не зови.

— Я умею читать часы.

— Это не одно и то же, что вовремя останавливаться.

Он ушёл раньше, чем я придумал ответ.

* * *

В западном крыле пахло деревом, закрытыми окнами и морем, которое проникало даже туда, куда его не приглашали.

Я включил фонарь и прошёл по коридору. Двенадцать дверей. Когда Олег показывал мне свою часть хозяйства, он говорил о них как о двенадцати отдельных возможностях заработать.

Я видел двадцать лет старой проводки, пятна под подоконниками и две трещины, происхождение которых мне не нравилось.

По первой бумаге это было выгодное приобретение.

Если не смотреть на здание.

Если не смотреть на себя.

Я остановился у тринадцатого номера. Ручка была холодная и слегка люфтила. Степан Юрьевич ещё не закончил обследование, и я не собирался пускать сюда гостей, даже если Олег десять раз написал в письме, что раньше всё работало.

Раньше здесь работало многое.

Сергей Белов любил это слово. Им он объяснял кабель, который не совпадал с согласованной схемой, старый щит и моё чувство, что я обязан сделать ещё одну проверку. Я был молод, работал на своём первом крупном заказе и очень хотел, чтобы серьёзные взрослые люди считали меня удобным.

Они посчитали.

Я упёрся ладонью в косяк. На свежем порезе натянулся пластырь.

Иногда я вспоминал пожар картинками. Иногда запахом, приходящим совершенно не вовремя — над подгоревшим тостом, в самолёте после чужого кофе, на улице возле сварочных работ. Но чаще всего вспоминал ручку.

Обычную дешёвую шариковую ручку, которой потом поставил подпись.

Лампа фонаря соскользнула по стене. Я заставил себя посмотреть на трещину и записал её ширину в журнал. Потом сделал фотографию с линейкой. Позвонил Степану Юрьевичу, хотя понимал, что он вряд ли обрадуется.

Он взял трубку после долгого вызова.

— Ветров, если там кто-то умер, вызывайте положенные службы. Если нет — до завтра.

— В четырнадцатом след после дождя. Снимки отправил. Хотел уточнить, нужно ли сегодня что-то перекрывать дополнительно.

— Люди внутри есть?

— Нет.

— Так не запускайте. Воду и электричество в этой части вы уже отключили. Завтра в девять посмотрим.

Я снова посмотрел на трещину.

— Хорошо.

— Это был ответ на ваш вопрос. Можете перестать задавать его глазами.

— Вы меня не видите.

— Я вас третий раз консультирую. Этого достаточно.

Он отключился. Я несколько секунд смотрел на потухший экран, потом отметил в журнале время звонка и вышел, закрыв дверь.

Рядом с лестницей висела старая фотография. Отель в первый сезон после ремонта, белые столы во дворе, Нина за пианино. Ника стояла у самого края кадра. Ей было лет четырнадцать, она морщилась от солнца и держала в руках слишком большой для неё фотоаппарат.

Я не стал подходить ближе.

* * *

Илья позвонил, когда я уже спустился в вестибюль.

— Ну?

Брат не тратил слова на приветствия, если считал, что я всё равно знаю причину звонка.

— Приехала.

— Я догадался. Ты с обеда на сообщения отвечаешь как автоматическая дверь: «Да». «Нет». «Позже».

— У нас прорвало воду.

— Удобно.

Я присел на подоконник возле служебного входа.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не начал. Сказал ей?

В другом конце линии скрипнул стул. Илья, вероятно, сидел за компьютером. Ему было двадцать шесть. Он работал, платил за свою квартиру и мог разбирать чужие приложения так легко, как я когда-то разбирал коробку с конструктором. Но стоило ему произнести два этих слова, и я снова видел восемнадцатилетнего парня с обгоревшей манжетой.

— Не сегодня.

— Арс.

— Она приехала полтора часа назад. Узнала, что я купил долю. Взяла папку с задолженностями. Мне начать с того, что ещё могу испортить ей вечер?

Он не ответил сразу.

— Ты сейчас правда считаешь, что выбираешь для неё подходящий вечер?

Я закрыл глаза.

— Нет.

— Тогда не называй это заботой.

Ни один человек не умел злить меня так быстро, как Илья. В основном потому, что не давал спрятаться за слова, которые нравились мне самому.

— Я собираюсь ей рассказать.

— Хорошо. Когда?

— Я ещё не знаю.

Он выдохнул в трубку. Не показательно, просто устало.

— Я через несколько дней могу приехать на пару дней. Не ради семейного суда. Мне надо вещи у тётки забрать.

— Я заеду на вокзал.

— Я умею брать такси.

— Знаю.

— Просто напоминаю.

Мы помолчали.

У окна жужжал застрявший между стеклом и занавеской мотылёк. Я поднялся, отодвинул ткань, и он сразу исчез в темноте.

— Ты зачем всё-таки туда вернулся? — спросил брат.

Я посмотрел вверх, туда, где за перекрытием находился двенадцатый номер.

— Отель можно восстановить.

— Я не про стены.

Я знал, что он спросит. И всё равно не подготовил ответа, который не прозвучал бы слишком красиво.

Когда Олег впервые предложил встретиться, речь шла об обычной работе: посмотреть здание, оценить объём ремонта, составить рекомендации для продажи. Я мог взять гонорар, написать неприятное заключение и вернуться домой. Потом Олег сказал, что ему надоело всё это тянуть и он готов уступить свою часть.

Я предложил цену раньше, чем позвонил человеку, у которого имело смысл спросить, хочет ли он видеть меня здесь.

Решение уже было принято, а я только потом начал подбирать к нему достойные причины.

— Потому что могу, — сказал я. — Мог вернуться. Раньше тоже мог. Просто сейчас вернулся.

— Это хотя бы похоже на правду.

Илья простился первым. Я некоторое время держал телефон в руке, потом поднялся в свой номер.

* * *

Одиннадцатый находился напротив двенадцатого, чуть по диагонали через коридор. Выбирая его три недели назад, я не знал, куда Марина поселит Нику. Теперь очень хотелось поменять номер и так же сильно не хотелось устраивать вокруг этого маленький спектакль.

Я оставил дверь приоткрытой, сел за стол и включил рабочую лампу.

В ноутбуке ждали письма. Клиент из другого города спрашивал, могу ли я в августе подключиться к новому объекту. Я написал, что окончательно отвечу после двадцать первого июля, и отправил письмо, пока не передумал.

Вторая папка была личной.

Я открыл её и увидел имена файлов, которые знал наизусть. Схема. Переписка. Копия акта. Черновик объяснения, написанного так сухо, будто если правильно расположить факты на странице, они станут менее постыдными.

И ещё письмо.

Я не открыл его. Не потому, что было больно перечитать. Просто впервые за много лет рядом находился человек, которому я его не отправил. Держать вместо разговора старый текст стало особенно нелепо.

В коридоре послышались шаги.

Я слишком быстро закрыл папку и сразу заметил, что сделал. Скрывать экран от Ники — плохой способ начать то, что я собирался назвать честным разговором.

Но она не заглянула внутрь. Прошла к лестнице. Я увидел через щель двери её руку с телефоном и мокрые после душа волосы, собранные на затылке. Она переоделась в широкие тёмные брюки и белую майку, поверх которой набросила рубашку.

Я отвёл взгляд с опозданием.

Она вернулась минут через десять. Поднялась на этаж с чашкой, остановилась у своей двери и посмотрела на мою.

— У тебя есть чистый лист?

Я встал.

— Да.

— Тогда дай. И ручку, которая пишет.

Я принёс ей блокнот. Она не вошла, осталась в коридоре, поставив чашку на подоконник.

— Ника, — сказал я.

Она посмотрела на блокнот в моей руке.

— Если ты собираешься сейчас обсуждать, как мы раньше жили, я не готова.

— Я хотел спросить, когда тебе удобно завтра сесть по работе.

Она изучала моё лицо, будто выбирала, верить ли буквальному смыслу.

— В десять. Мне до этого нужно позвонить заказчику.

— Хорошо.

Я протянул блокнот. Она взяла его за верхний угол, чтобы случайно не задеть мои пальцы. Я заметил. Конечно, заметил. И не имел права делать вид, что мне от этого больнее, чем ей должно быть страшно снова ошибиться.

— Я хочу понимать, где заканчивается твоя половина отеля, — сказала она. — И начинается моя. До разговора о том, сколько у нас общих прекрасных возможностей.

— Ты имеешь право.

Она чуть приподняла подбородок.

— Я не спрашивала.

Во мне что-то дрогнуло — от узнавания, от желания улыбнуться, от того, что она стояла рядом и была живой, злой, совсем не придуманной женщиной из бесконечного старого сожаления.

— Я понял.

Ника взяла чашку и скрылась в своём номере. Дверь закрылась негромко. Через секунду повернулся ключ.

Я вернулся к столу и открыл файл с актом.

Внизу страницы стояла моя подпись. Я всегда находил её сразу, даже когда пытался сначала перечитать всё остальное.

Рядом с ноутбуком лежал чистый лист из того же блокнота. Я написал на нём: «Рассказать Нике».

Посмотрел.

Зачеркнул.

План, записанный красивыми словами, слишком легко было принять за поступок. Я сложил лист и убрал в ящик, чтобы завтра не показывать его никому как доказательство своих хороших намерений.

Потом снова открыл почту. В ответе клиенту, которого я отправил пять минут назад, стояло: «Окончательное решение за мной».

Я долго смотрел на эту фразу.

За стеной Ника разговаривала с кем-то по телефону и смеялась — коротко, настоящим смехом. Я не прислушивался к словам. Просто услышал и почувствовал, как сильно хочу однажды снова оказаться человеком, из-за которого она так смеётся.

Желание было простым. Всё остальное — нет.

Я выключил лампу, а утром первым делом переставил в переговорной второй стул. Не во главе стола, не напротив места, которое заранее выбрал для себя. Рядом с окном, куда свет падал на её рабочую сторону.

Потом убрал и свой, чтобы она могла сесть где захочет.

Глава 3. На моей стороне стола

Ника

В десять утра я поставила перед Арсением кружку с надписью «Лучшему папе».

Он посмотрел на неё, потом на меня.

— Других не было?

— Были.

Я села у окна и открыла блокнот. Кофе пах нормально, несмотря на всё, что происходило вокруг него. Это был первый хороший признак за утро.

Арсений не сделал ни одной шутки про кружку, хотя раньше непременно бы сделал. Я не знала, радоваться этому или считать, что мы оба теперь будем ходить на цыпочках, пока кто-нибудь не забудет, где стоят мины.

— У меня три пункта, — сказала я.

Он достал ручку.

— Слушаю.

— Расходы согласуем заранее. Не так, что я узнаю о заказанном ремонте из счёта. Если что-то аварийное, сначала безопасность, потом сразу сообщаем друг другу. Не через три дня и не когда станет удобно.

Арсений записал.

— Да.

— Номер у каждого свой. Ключ от моего не нужен никому, кроме положенного персонала, и то с обычным порядком уборки. Если хочешь зайти — стучишь. Если я не открываю, это значит, что я не открываю.

Он поднял глаза.

— Я не собирался входить к тебе без разрешения.

— Хорошо. Теперь это ещё и произнесено.

— Хорошо.

Я провела пальцем по третьей строке, которую написала ещё ночью.

— Я работаю фотографом. Это не хобби, которое можно отложить, пока настоящие мужчины спасают семейную недвижимость. У меня есть клиенты, сроки и поездки. Часть работы здесь я могу взять на себя: фотографии, описание номеров, визуальную историю, что-то по коммуникации с гостями. Но бесплатно жить ради отеля круглые сутки не буду.

Арсений некоторое время молчал. Я знала, что мой тон звучит как подготовленная обвинительная речь. Ненавидела этот тон, но ещё сильнее — необходимость заранее защищать очевидные вещи.

— Я видел твою работу, — сказал он.

Мои пальцы остановились.

— Что?

— Съёмку стекольной мастерской. И гостевого дома с зелёной лестницей. Они были в твоём открытом портфолио.

Я посмотрела на свою кружку.

Стекольную мастерскую я снимала в феврале. Тогда два дня подряд поднималась в пять, чтобы поймать короткую полосу света между соседними зданиями, а владелец всё время пытался добавить в кадр свою новую кофемашину. Это была одна из немногих работ за прошлый год, которой я действительно гордилась.

Арсений её видел.

Мне хотелось задать несколько вопросов сразу. Ни один не относился к повестке встречи.

— Я не просила оценку портфолио, — сказала я.

— Я и не оцениваю. Согласен с твоим пунктом. Хотел объяснить, что понимаю, чем ты занимаешься.

Мне потребовалось усилие, чтобы не принять это за новую попытку выбрать удобные слова.

Я перевернула страницу.

— Теперь твои условия.

Он подвинул ко мне лист.

Их тоже было три. Прежде чем обещать открытие крыла, дожидаться заключения Степана Юрьевича. Выделить время на полноценный осмотр и разговор с людьми. Не использовать личную ссору, чтобы остановить обязательную текущую работу или наказать сотрудников.

Я перечитала последний пункт.

— Думаешь, я способна?

— Я записывал для нас обоих.

Я посмотрела на него. Он не отвёл глаз и не добавил, что всегда был идеальным деловым партнёром. Возможно, мне хватило бы сил выдержать этот разговор только потому, что он не пытался казаться удобнее, чем был.

— Согласна, — сказала я.

Мы ещё не договорились остаться вместе на сорок шесть дней. Но уже знали, как не устроить катастрофу в первые два.

* * *

В одиннадцать я позвонила заказчику.

Арсений ушёл сам, едва я достала наушники. Закрыв за собой дверь переговорной, и я впервые за утро перестала следить за каждым своим движением.

На экране появился дизайнер, с которым мы готовили съёмку трёх небольших квартир. Он сидел в машине и держал телефон так низко, что я видела в основном его подбородок.

— Ник, ты там не передумала снимать?

— Нет. Я до двенадцатого пришлю схему и список реквизита, как договаривались. Поездку на объект можем оставить на двадцатое?

— Конечно. Просто ты сказала про наследство, отель. Я подумал, вдруг теперь всё, рантье.

Я оглядела потолок. В одном углу не хватало куска лепнины, а под окном лежал удлинитель с наклеенной красной бумажкой «не использовать».

— До рантье ещё несколько небольших препятствий.

Мы обсудили свет, пересъёмку кухни и кошку владельцев, которую никак не удавалось убрать из подготовленного интерьера. Я записала время, отправила подтверждение и ещё минуту сидела в тишине.

Моя обычная жизнь никуда не исчезла. Отель не проглотил её сразу, стоило мне переступить порог. Это было полезно почувствовать до того, как я начну считать возвращение окончательным.

Когда я вышла, Арсений разговаривал с Мариной у стойки. Увидел меня и не стал задавать вопрос о звонке. Просто подвинул карту доступа, которую мне ещё не успели выдать.

— Марина готова показать здание, — сказал он. — Я в крыле. Если понадобится, позвёте.

Не «покажу». Не «я лучше знаю».

Мне до смешного хотелось похвалить его за обычное человеческое поведение. Я вовремя остановилась.

* * *

Марина ходила по отелю так, как другие люди ходят по собственному телу: знала, где болит, где неприятно касаться, а где всё ещё можно рассчитывать на выносливость.

В первом номере надо было заменить матрас. Во втором — отрегулировать окно. В третьем под подоконником успела поселиться целая коллекция вещей, которые гости считали не заслуживающими обратного перелёта: пластиковый браслет, розовая расчёска, деревянный меч размером с мою ладонь.

— Ты зачем это хранишь?

Марина подняла меч.

— Мальчик неделю плакал. Восемь лет ему было. Думала, позвонят, отправлю.

— Позвонили?

— Нет.

Она повертела игрушку и положила обратно.

Я не сказала, что мальчик давно вырос. Здесь и без моих замечаний было достаточно вещей, которым не суждено вернуться на прежнее место.

На этаже над рестораном она показала мне бельевую. Раньше я бегала сюда прятаться, когда отец начинал знакомить гостей со своей «маленькой принцессой». Между стопками простыней было прохладно, пахло утюгом, и никто не требовал улыбаться.

Сейчас часть полок пустовала.

— Почему так мало белья?

— Изношенное списали. Новое пока не купили.

— Давно?

Марина назвала месяц. Я записала.

Мне всё время хотелось спросить, почему отец не позвонил и не сказал прямо: «У нас плохо». Потом я вспоминала, как сама отвечала ему на вопросы о работе: «Всё нормально», даже когда два клиента переносили оплату и приходилось решать, что важнее — аренда или новый объектив.

Возможно, некоторые семейные привычки мы наследовали раньше, чем имущество.

На кухне было холодно и очень чисто. Две старые плиты, большой металлический стол, подписанные контейнеры, пустой холодильник с открытой дверцей. На стене над мойкой остался след от календаря.

— Кто готовит?

— Сейчас никто. Раньше Света. Ушла в санаторий, там круглый год платят.

Я сделала фотографию общего вида, потом ещё одну — рабочего стола.

— Можно отправить Асе?

— Если она приедет, я её расцелую.

— Не обещай лишнего. Ей понравится.

Марина засмеялась, и на мгновение я увидела прежнюю женщину, которая однажды спрятала меня здесь от отцовского делового ужина и дала две тёплые булочки прямо с противня.

Я отправила снимки подруге. Под ними написала: «Ты всё ещё ищешь, где испортить себе лето?»

Ответ пришёл почти сразу: «Сначала план кухни. Потом моральный ущерб».

Я улыбнулась в телефон.

— Она думает, — сказала я Марине.

* * *

Олег наконец перезвонил после обеда.

Я вышла во двор, чтобы мой голос не разносился по пустому вестибюлю.

— Ты могла бы заранее сказать, что едешь, — начал он.

Я посмотрела на старые столики под навесом. На одном лежала перевернутая пепельница. Когда-то отец ругал персонал за то, что её оставили утром после закрытия. Теперь никого не было рядом, чтобы назначить виновного.

— А ты мог заранее сказать, кому продаёшь половину отеля.

Олег вздохнул так, будто я немедленно перешла к самому неприятному и этим испортила возможность хорошего семейного разговора.

— Это моя доля, Вероника. Мы всё провели как положено. Документы тебе отправляли.

— Ты сообщил, что обсуждаешь продажу. Имя покупателя я узнала вчера от Марины.

— Какая разница, если человек готов вкладываться?

Я стояла в тени, но солнце доставало до ног. Носок правого кроссовка всё ещё был тёмным после вчерашней воды.

— Для меня есть разница.

— Я не могу решать твои личные вопросы.

— Тогда не решай их так, будто их не существует.

Мы помолчали.

Олег сказал, что устал, что отель слишком долго забирал больше, чем давал, и что Сергей тоже не был простым партнёром. Я слушала. Наверное, часть этого следовало услышать много лет назад, когда взрослые ещё могли отвечать друг другу, а не оставлять мне половину своей усталости в наследство.

— Я хочу получить все рабочие материалы, которые у тебя остались, — сказала я. — Без отбора того, что мне полезно знать.

— Хорошо.

— И больше ни с кем не обсуждай мою долю от моего имени.

Он снова вздохнул, но согласился.

Почти сразу после разговора позвонил Павел.

Я некоторое время смотрела на экран. Мы расстались полгода назад, спокойно настолько, насколько вообще можно спокойно признать, что человек годами любил твою удобную версию.

— Привет, — сказала я.

— Ты в Ветрово?

— Даже не буду спрашивать, откуда знаешь.

— Олег позвонил. Я был у вас в прошлом году, помнишь? Говорили про реконструкцию.

Я помнила. Павел говорил, отец слушал, а я снимала террасу для обновлённого сайта и временами казалась себе единственным человеком за столом, чьё мнение относилось к сервису, а не будущему.

— Если ты решила продавать, у меня есть варианты, — сказал Павел. — Без спешки. Встретимся, посмотрим.

Он не был злодеем. Это стоило напоминать себе чаще. Он умел считать деньги, вовремя оплачивал счета и действительно мог решить проблему, которую я пока даже не научилась формулировать.

— Пришли предложение письменно, — ответила я. — Я посмотрю.

— Хорошо. Только не ввязывайся сама в стройку. Там нужно понимать, что делаешь.

Я посмотрела через стекло ресторана. Арсений стоял у столика с Мариной и держал перед ней лист, пока она что-то объясняла. Он записывал, не перебивая.

— Я пока и разбираюсь, — сказала я Павлу.

* * *

Вечером я нашла Арсения в летнем зале.

Здесь давно не проводили вечера. Пианино закрывал серый чехол. Возле окон стояли несколько сложенных стульев, на подоконнике сохранился круг от давно убранного горшка. Я остановилась у входа, потому что вдруг вспомнила мамину руку на белых клавишах — до того, как она научилась каждый раз рассчитывать, какое движение кисть позволит сегодня.

Арсений заметил меня не сразу. Он смотрел на план, прижав его ладонью к стене, и морщился. У него на щеке была тонкая полоса пыли.

— Ты сегодня ел? — спросила я.

Он обернулся.

— Это рабочий вопрос?

— Я пытаюсь понять, откуда берутся пожилые женщины, которые всё время об этом спрашивают. Похоже, процесс идёт незаметно.

Он улыбнулся. По-настоящему, на одну секунду.

Я почувствовала улыбку раньше, чем успела решить, что она со мной делает. Где-то под рёбрами стало одновременно жарко и пусто. От неожиданной силы этой реакции захотелось отвернуться.

Я не отвернулась.

— Марина принесла бутерброды, — ответил он. — Я съел два. Если потребуется свидетель, она ещё здесь.

— Отлично.

Он убрал план.

— Как осмотр?

— У тебя есть слово короче, чем «плохо», но точнее?

— «Работа».

— Ужасное слово. Мне не нравится.

Я прошла к окну. На стекле отпечаталась моя ладонь, когда я попыталась его открыть. Ручка не поддавалась.

Арсений сделал шаг и остановился рядом, не пытаясь дотянуться через меня.

— Верхнюю защёлку нужно снять. С твоей стороны.

— Я помню.

— Хорошо.

Я не помнила. Но он дождался, пока я найду защёлку, и это было, пожалуй, ещё неприятнее прямой помощи: человек видел моё упрямство и не использовал его против меня.

Окно открылось. С улицы потянуло тёплым воздухом, чьей-то жареной рыбой и солью. Возле моего плеча оказалась его рука. Не касалась — держалась за створку, которую могло захлопнуть сквозняком.

Я знала, как легко было бы сейчас повернуться.

Арсений тоже знал.

Мы простояли так несколько секунд, пока внизу кто-то не выругался на заглухший мотор. Это обычное уличное раздражение помогло вернуть комнату к её настоящему размеру.

Я отступила.

— Я останусь до двадцать первого июля.

Он посмотрел на меня, и на его лице не было победы.

— Ты уверена?

— Нет. Но я не хочу продавать то, чего даже не попыталась понять.

— Хорошо.

— И ещё. Если это не получится, ты не будешь говорить, что я сдалась.

— Не буду.

— Даже себе.

Он опустил глаза, потом снова поднял.

— Это сложнее обещать. Но я постараюсь не делать из твоего решения оценку самому себе.

Ответ оказался лучше гладкого обещания. Я не знала, что с этим делать.

— Завтра в девять у нас инженер, — сказал он. — После этого могу показать крышу. С безопасного места, без твоей обязательной любви к высоте.

— Высоту я люблю.

— Знаю.

Я обернулась слишком резко.

Он всё ещё держал створку. Солнечная полоска упала ему на щёку, и я увидела в ней тот же самый профиль, который когда-то снимала с близкого расстояния, когда он спал.

— Арсений.

— Да?

Я хотела сказать, чтобы он перестал помнить меня так уверенно. Что мы оба не имеем права пользоваться тем, что уцелело, пока не разберёмся, что разрушили.

Вместо этого спросила:

— Ты сам-то зачем остался?

Его пальцы сжались на ручке.

— На это я не отвечу тебе одной красивой фразой.

Я кивнула. Не одобрила, не простила. Просто услышала, что он хотя бы понимает размер вопроса.

Когда я вернулась в номер, Ася прислала голосовое сообщение.

«Кухня у вас, конечно, пережила не только лучшие, но и некоторые худшие времена. Я могу приехать послезавтра. Держу пари, кастрюли до сих пор в духовке, как твой отец любил. Сначала я буду ругаться».

Я переслушала конец и написала: «Папы больше нет. Кастрюли остались».

Ответ пришёл через минуту.

«Тогда разберёмся сначала с кастрюлями. Остальное — как сможем».

Я легла поперёк кровати, не снимая рубашки, и впервые со дня похорон позволила себе заплакать, не стараясь делать это тихо.

Глава 4. Выше уровня моря

Арсений

Степан Юрьевич посмотрел на часы, потом на нас с Никой.

— Я, кажется, сказал «осмотр», а не «свидание».

— Мы обсуждали смету, — ответила она.

— С таким лицом обсуждают развод. Но мне всё равно. Кто держит лестницу?

Ника шагнула вперёд, я взялся за другую сторону. Инженер проверил опору, с неожиданной для своего возраста лёгкостью поднялся наверх и исчез в люке. Внизу остались его пыльные ботинки на уровне моего лица и не успевшее начаться утро.

— Нравится мне ваш специалист, — сказала Ника.

— Он слышит.

— А я не для секретности.

Из люка донеслось удовлетворённое покашливание.

Двадцать минут спустя мы стояли на плоской части крыши основного корпуса. За низким ограждением голубело море. Дальше от края было жарко и почти безветренно. Солнце грело покрытие, пахло металлом и вчерашним дождём.

Ника держала камеру обеими руками. На этот раз большую, с потёртой лентой на ремне. Она не фотографировала море. Сняла трубу, водосток, место вчерашней течи и железный стык у двери.

Степан Юрьевич повернулся к ней.

— Это вы для отчёта?

— Пока для себя. Скажите, что нужно снять крупнее.

Он посмотрел на меня, будто я мог объяснить, откуда вдруг появился полезный человек.

— Вот здесь. Только не с той стороны, там край. И линейку, Ветров, сюда, раз вы всё равно стоите красивый.

Ника прижала губы, пряча улыбку.

Я опустил на корточки и приложил линейку к соединению. Она встала сбоку, наклонилась за кадром. Я почувствовал прикосновение её колена к моему плечу раньше, чем понял, что она стоит так близко.

— Не двигай, — сказала она.

Я не двигал.

Тень от камеры легла на её щёку. На губах не было помады. Я помнил, как она кусала нижнюю, когда снимала и боялась упустить свет. Теперь не кусала — слегка приоткрыла рот, дышала ровно, смотрела в экран. Я поймал себя на том, что изучаю это слишком внимательно.

Щёлкнул затвор.

— Ещё раз. Отблеск на цифрах.

Она повернулась, прикрывая свет ладонью. Я поднял свободную руку и заслонил линейку.

— Так?

— Да. Спасибо.

Два обычных слова. Я не успел подготовиться к тому, что они окажутся важными.

Степан Юрьевич не торопил. Отмечал что-то в блокноте, время от времени морщился и уточнял дату последнего ремонта. Я отвечал только на то, что знал сам. Во всех остальных случаях говорил: «Нужно поднять документы».

После пятого такого ответа он посмотрел на меня поверх очков.

— Уже лучше.

Ника услышала. Я заметил, как её взгляд задержался на моём лице, но она не стала спрашивать при нём.

Это тоже было важно.

* * *

Мы спустились через технический этаж, закрыли люк и перешли в западное крыло. Ника убрала камеру под рубашку, когда увидела пыль, потом передумала и снова достала: сняла общий вид, дверь и временную табличку о запрете входа.

— Для сайта это вряд ли подойдёт, — заметил я.

— Я не каждую фотографию делаю для продажи.

Я посмотрел на табличку и больше ничего не сказал.

Степан Юрьевич прошёл по комнатам, внимательно осмотрел трещины и попросил передать ему предыдущие планы. До окончательного заключения он не обещал ни опасности, ни благополучия. Я чувствовал, как сильно мне хочется получить от него готовый ответ сегодня, и старался не повторять вопросы другими словами.

У лестницы Ника остановилась.

— Допустим, крыло не успеем подготовить. Основной корпус — отдельная история?

— По тому, что вижу сейчас, его можно рассматривать отдельно, — ответил инженер. — Но не превращайте мои слова в рекламное обещание. Здесь тоже список работ будет.

— Мне пока нужно понимать варианты.

— Вот это разумно.

Он убрал блокнот, взял у Марины воду и уехал, пообещав прислать предварительные замечания через два дня. Ника осталась смотреть ему вслед.

— Что? — спросил я.

— Ты при нём совсем другой.

Я поднял брови.

— Какой?

— Спрашиваешь. Слушаешь. Даже иногда не знаешь.

— Я и с тобой иногда не знаю.

Она повернулась ко мне.

— Со мной ты обычно выглядишь так, будто ответ существует, просто я мешаю тебе его произнести.

Я хотел возразить и вместо этого посмотрел в сторону, на пустой отелный двор. Удобного довода не нашлось.

— Постараюсь выглядеть точнее.

Ника чуть качнула головой.

— Лучше быть.

Она ушла в переговорную, оставив меня во дворе с неприятным чувством, что некоторые вопросы действительно нельзя решать архитектурой лица.

* * *

В полдень нам позвонили из магазина, где я заказывал небольшое оборудование для служебных помещений.

Я рассчитывал получить часть вещей с доставкой. Магазин рассчитывал, что я умею читать мелкий шрифт под словами «предварительная дата». В итоге мужчина в трубке пред-

ложил забрать заказ самостоятельно, а на мой вопрос о деньгах за доставку честно ответил, что вернёт их, если я напишу заявление.

— Мы в отпускной сезон живём, — сказал он, будто это было стихийное бедствие.

— Я заметил.

Ехать нужно было за город, на склад возле развязки. Я открыл список и попробовал понять, что поместится в машине, а для чего придётся просить Тимура о грузовой.

В ресторан вошла Ника. Села напротив, положила рядом с ноутбуком контейнер с холодными сырниками.

— Ешь, пока не решила поделиться с кем-то более благодарным.

— Откуда?

— Марина. Она готовит на несколько человек и потом делает вид, что случайно осталось.

Ника протянула мне вилку, явно забранную с кухни без торжественного разрешения. Я взял её так осторожно, что она посмотрела на мою руку.

— У тебя там что-то серьёзное?

Я проследил за её взглядом до пластыря.

— Порез. Задел о кромку.

— Глубокий?

— Нет.

— Ты это знаешь или считаешь, что мужчине стыдно истекать кровью организованно?

Я впервые за день рассмеялся.

Она тоже, и смех изменил всё её лицо. Не сделал моложе — просто на несколько секунд убрал необходимость держать его неподвижным.

Я сел, открыл контейнер и съел сырник, не изображая, что мне не нужна эта простая забота. Ника смотрела в свой ноутбук. Иногда проводила кончиком пальца по тачпаду и хмурилась, выбирая между почти одинаковыми кадрами.

— Покажешь?

Она повернула экран.

На фотографии были мои руки с линейкой и кусок кровельного соединения. За ними — море, размытое до ровного цвета. Снимок был очень красивым, хотя я отлично знал, насколько некрасиво выглядит изображённый предмет.

— Ты неправильно называешь свою папку, — сказал я.

— Какую?

— «Для себя». Это может понадобится Степану.

— Он получит кадр без художественных претензий. Здесь плохо читается край.

Она переключила на следующий. Тот же предмет, другой угол. Сразу видно размер, соединение, расстояние до края.

— А зачем тогда первый?

Ника некоторое время смотрела в экран.

— Потому что мне понравился свет.

Она не посмотрела на меня, когда сказала это. Я почему-то перестал жевать.

Потом в дверях появился Тимур, спросил про склад и спас нас обоих от необходимости притворяться, будто разговор о свете ничего больше не означал.

* * *

На рынок я пошёл один. По крайней мере, собирался.

Ника догнала меня у калитки.

— Ты куда?

— Купить нормальной еды. Марина сказала, на сырниках мы отель не откроем.

— Она права.

— Составишь компанию?

Ника посмотрела на мой пустой пакет. На улицу. Потом на часы.

— У меня двадцать минут.

Мы пошли рядом, не пытаясь подобрать безопасную тему. Дорога от отеля спускалась к площади. По левую сторону стоял дом, на стене которого всё ещё держался нарисованный кит. Его перекрашивали, но я узнал неровную линию хвоста.

Ника достала телефон и сфотографировала.

— Он стал уродливее, — сказала она.

— У него теперь есть ноздря.

— Ты разбираешься в китах?

— Нет. Но без неё он выглядел увереннее.

Она улыбнулась в телефон. Потом убрала его, и мы пошли дальше.

На рынке было тесно. У входа мужчина спорил о сдаче, продавщица зелени обмахивалась пустой упаковкой, кто-то искал потерявшегося мужа, называя его так сердито, что я на его месте не спешил бы находиться.

Ника остановилась у абрикосов.

— Можно попробовать? — спросила она.

Женщина за прилавком молча протянула ей плод. Ника разломила его, заглянула внутрь и съела половину.

Вторую подала мне.

Я взял.

Это было настолько знакомое движение, что мы оба на мгновение замерли. Она поняла раньше и отвернулась к продавщице.

— Килограмм, пожалуйста.

— Полтора возьмите. На двоих килограмма мало.

— Нам не на двоих, — ответила Ника.

Я посмотрел на рыночные весы и не стал объяснять, на скольких именно.

Пока мы ждали сдачу, продавщица узнала Нику. Спросила про мать. Потом про отца, вспомнила, что спрашивать уже поздно, и прикрыла рот ладонью.

— Простите, — сказала она. — Из головы вылетело.

Ника пожала плечами, улыбнулась ей из вежливости и взяла пакет. Я видел, как побелели пальцы на тонких ручках.

Мы отошли к хлебному киоску.

— Я могу поддержать, — сказал я.

Она уже собиралась отказать. Я видел это по подбородку.

Потом молча отдала пакет.

Я не прикоснулся к её плечу. Не сказал, что понимаю, как ей тяжело. Просто стоял рядом, пока она выбирала хлеб, и держал абрикосы достаточно крепко, чтобы тонкий пластик не порвался.

На обратном пути она остановилась в тени за автобусной остановкой.

— Он меня иногда до сих пор бесит, — сказала она. — Потом вспоминаю, что его нет, и получается, что я должна немедленно стать доброй.

Я посмотрел на неё.

— Не должна.

— Все это говорят. Но у всех такой вид, будто всё-таки должна.

Она положила ладонь на горячий металлический край остановки и сразу убрала.

Я хотел сказать о Сергее правду. Не всю — хотя бы ту, которая относилась ко мне. Вместо этого услышал собственный голос:

— Я не буду требовать от тебя хороших чувств по расписанию.

Она посмотрела на меня долго и устало.

— Ты ведь уже требовал. Просто тогда это называлось «не усложняй».

Я вспомнил. Очень хорошо.

— Знаю.

Мимо проехал автобус. Из открытого окна донёсся чужой смех, а Ника пошла дальше. Я догнал её, не ускоряя шаг сильнее необходимого.

* * *

К вечеру стало понятно, что на склад придётся ехать вдвоём.

Ника нашла часть вещей, которые собиралась заказать дороже, и попросила добавить их в список. Не сообщила, что уже решила, — спросила, укладываемся ли. Я показал цифры, мы вычеркнули две необязательные позиции и оставили только то, без чего реально не обойтись в первый месяц.

Она сидела на полу ресторана, разложив перед собой фотографии и маленькие бумажные карточки. Я принёс стул. Она отказалась, и я сел рядом на пол.

На этот раз её колено оказалось возле моего не случайно из-за тесного рабочего места. Пространства было достаточно.

Мы не обсуждали это.

— Если здесь поставить столик, — сказала она, показывая на снимок двенадцатого номера, — его не нужно придвигать к стене. Тогда человек сможет сесть лицом к окну.

— Потеряем проход.

— На фотографии кажется, что потеряем. Я измерила. Остаётся.

Я взял карточку. На обороте действительно были размеры.

— Ты измерила?

— Удивительно, да? Рулетку женщинам продают без экзамена.

Я отдал карточку.

— Ника, я спросил не поэтому.

Она посмотрела на меня и выдохнула.

— Знаю. Привычка.

— Со мной тоже?

Она не ответила сразу.

— С тобой пока особенно.

Это было честно. Я кивнул, и мы вернулись к плану номера.

Около девяти Марина объявила, что уходит. Тимур тоже ушёл. В ресторане стало тихо, и я вдруг заметил, как близко лежит Никина ладонь. Несколько сантиметров между пальцами, которых когда-то не существовало.

Я не стал уменьшать их сам.

Ника потянулась за карточкой и коснулась моего запястья. Не отдернула руку сразу. Провела кончиком пальца по краю пластыря, будто проверяя, держится ли.

— Не мочи завтра, — сказала она.

Я посмотрел на неё.

— Постараюсь.

Она убрала руку и начала собирать бумаги слишком быстро. Я помогал медленно, чтобы не вынуждать её объяснять ни прикосновение, ни спешку.

Перед уходом она остановилась у двери.

— Во сколько выезд?

— В восемь. Успеем до жары.

— Я возьму камеру. По дороге есть место, которое хочу снять.

— Сколько времени тебе нужно?

Она прищурилась.

— Ты сейчас просто спрашиваешь или уже считаешь, насколько я нарушу график?

Я посмотрел на часы, понял, что она заметила движение, и отвернул циферблат к себе.

— Просто спрашиваю.

— Тогда пятнадцать минут. Если свет хороший — двадцать.

— Заложим полчаса.

Её улыбка появилась не сразу. Но появилась.

Когда Ника ушла, я ещё несколько минут сидел на полу среди стульев. На коже у запястья оставалось ощущение её пальца. Совсем лёгкое. Невозможно было понять, существует оно ещё или я сам удерживаю его, как человек удерживает в ладони воду.

Ночью я всё-таки сменил пластырь. Аккуратно, не разрывая кожу под старым клеем.

Это не было исправлением прошлого. Просто завтра она могла снова посмотреть на мою руку, и я хотел хотя бы в этой небольшой вещи выполнить то, что сказал.

Глава 5. Другая дорога

Ника

У Тимура оказался фургон, который ненавидел лето.

На стоянке перед отелем он ещё притворялся обычной машиной: белый, немного помятый, с чистым лобовым стеклом. Но стоило выехать на солнце, как кабина превратилась в тесное металлическое доказательство того, что человек слишком многого ждёт от техники.

— Кондиционер? — спросила я.

Арсений повернул ручку. Из решётки на меня дохнуло нагретым пластиком.

— Есть.

— Ты сейчас издеваешься?

— Я уточняю наличие. Рабочее состояние — отдельный вопрос.

Я опустила стекло. Ветер немедленно залепил мне рот волосами, а лист со списком покупок попытался вылететь наружу. Я поймала его, села на край, собрала волосы и посмотрела на своего спутника.

Он вёл, вытянув руки чуть сильнее, чем в обычной машине. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами; ремень пересекал грудь по диагонали. У локтя виднелся старый маленький шрам, которого я не помнила.

Новый шрам. Новая рубашка. Восемь лет, в которые я не имела доступа.

Мне хотелось расспросить обо всём, и это раздражало почти так же сильно, как духота.

— Можно музыку? — спросила я.

Он указал на магнитоу.

— Попробуй.

Она включилась на середине чужого разговора о сортах удобрений. Я покрутила ручку, поймала песню, затем новости, затем ещё один разговор об удобрениях, видимо, эта тема преследовала нас сразу на нескольких волнах.

Арсений тихо смеялся.

— Если скажешь, что раньше я справлялась лучше, поедешь слушать это один.

— Раньше ты обычно просто пела сама.

Я убрала руку с магнитолы.

Он понял сразу. Ничего не сказал, не извинился за каждое слово. Подождал, пока я сама решу, как отнестись к случайно открывшейся двери.

— У тебя раньше были ужасные диски, — сказала я наконец.

— У меня были хорошие диски. Ты их складывала обратно не в те коробки.

— Потому что обложки были скучные.

— Это многое объясняет.

Я всё-таки засмеялась. Он посмотрел на меня на короткую разрешённую дорогой секунду, и от этого взгляда по коже пошло тепло, не имевшее отношения к июньскому утру.

Я отвернулась в окно, потому что ветер можно было обвинить хотя бы в покрасневших щеках.

* * *

Место, которое я хотела снять, находилось у поворота к старому рыбному складу.

Я помнила его по детским поездкам с матерью. Низкая белая стена, облупившаяся синяя дверь и лестница, спускавшаяся к воде. Раньше здесь хранили ящики, теперь на крыше выросла трава, а дверь накренилась, но свет по-прежнему попадал на неё с той стороны, которую я запомнила.

Арсений остановился на безопасном кармане у дороги, заглушил мотор и спросил:

— Подождать здесь?

Я открыла сумку.

— Если хочешь, можешь пройтись. Только не заходи перед дверью, когда я начну снимать.

— Я буду стараться не портить архитектуру собой.

— Ты бываешь на удивление понятливым.

Я вышла, и воздух показался прохладным после кабины. Возле стены росла жёсткая сухая трава. Я присела, нашла нижний угол, сделала несколько кадров и поняла, что мне мешает не свет, а слишком правильное воспоминание о нём.

В детстве всё казалось больше. Дверь, камни, голос матери, когда она звала меня не подходить к краю. Даже море помещалось в голове иначе — не поверхностью, а целым местом, где могло что угодно случиться.

Я поменяла объектив.

Арсений стоял дальше, возле ограждения. Не ждал от меня разговора, не изображал, что ему скучно. Просто смотрел на воду, держа в руке бутылку. Рубашка липла к спине, когда налетал ветер.

Я подняла камеру и почти сняла.

Почти.

— Можно? — спросила я.

Он обернулся.

— Что?

Я показала камерой.

Арсений понял, посмотрел на свою одежду, потом на меня. Мне вдруг стало неловко так, будто я не разрешение на портрет попросила, а протянула руку там, где мы ещё не договорились касаться.

— Можно, — сказал он.

— Не смотри в камеру.

— А куда?

— Куда смотрел.

Он повернулся к морю. Я сделала два кадра, опустила камеру и ничего не стала объяснять. На экране осталась светлая линия его затылка, тёмная полоска воротника и рука с пластырем вокруг бутылки.

Мне нравился снимок.

Мне не нравилось, насколько сильно.

Когда мы вернулись в машину, Арсений протянул мне воду. Я сделала глоток и почувствовала вкус нагретого пластика.

— Очень романтичный сервис, — сказала я, не подумав.

Он задержал руку на бутылке на секунду дольше необходимого.

— Другого пока не заказали.

Я посмотрела на него. Он не улыбался уже.

До нас доносились шум шин, стук незакреплённой детали в кузове, ветер в открытых окнах. Всё обычное, достаточно громкое, чтобы скрыть мой неровный вдох.

— Поехали, — сказала я.

Он отпустил бутылку и завёл мотор.

* * *

На складе нас встретил мужчина, который искренне считал, что желание получить оплаченные вещи в комплекте — особый вид капризности.

— Вот у вас две коробки, — сказал он, ткнув пальцем в накладную.

— Две коробки и четыре стойки, — ответил Арсений.

— Стойки отдельно.

— Я понимаю. Где они?

Мужчина посмотрел на нас обоих, затем на бумагу, затем снова на нас. Он явно рассчитывал, что за это время вопрос успеет решиться самостоятельно.

Я достала телефон, открыла подтверждение заказа и показала номер позиции.

— Мы подождём, пока вы проверите.

— Девушка, у меня тут склад.

— Да. Именно поэтому мы приехали сюда, а не в аптеку.

Арсений отвернулся, делая вид, что изучает коробку. Я увидела, как у него дрогнула щека.

Через десять минут стойки нашлись. Не там, где должны были, но нам не требовалось выиграть конкурс складского порядка. Достаточно было увезти то, за чем мы приехали.

Арсений предложил грузовую тележку, мужчина сказал, что она занята, и всё-таки привёз её, когда я села прямо на край бетонного пандуса с видом человека, которому действительно есть куда потратить остаток дня, но не за свой счёт.

Когда первую коробку подняли в кузов, он повернулся ко мне.

— Поможешь с этим краем?

Я взялась.

Это было приятно — что он попросил. Не сказал, чтобы я отошла и не мешала, не попытался поднять неудобную тяжесть один ради небольшой демонстрации физической правоты.

Мы поставили коробку, и Арсений наклонился за ремнём крепления. Я осталась у борта. Он выпрямился почти вплотную, не рассчитав, как мало между нами места.

Я почувствовала его дыхание у виска.

Он замер.

У меня была целая секунда, чтобы отступить. Я не отступила. Смотрела на маленькую влажную точку у основания его шеи и думала о вещах, которые совершенно не подходили ни складу, ни накладной в моей руке.

— Пропусти, — тихо сказал он.

— Проходи.

Мы оба понимали, что это можно сделать. Он повернулся боком. Край рубашки скользнул по моему запястью, не касаясь кожи там, где я почему-то уже ждала касания.

Я выбралась из кузова первой.

— В следующий раз закажем нормальную доставку, — сказала я.

Голос прозвучал ровно. Я почти собой гордилась.

Арсений закреплял ремень дольше, чем требовалось. Или мне так показалось.

* * *

По дороге обратно я села за руль.

Он сначала спросил, удобно ли мне будет вести фургон, потом увидел выражение моего лица и без объяснений отдал ключи. Сиденье мы отрегулировали вместе: рычаг заедал, и вся конструкция сначала дёрнулась так резко, что я едва не ударила лбом о руль.

Арсений придержал спинку, пока я двигала её назад.

— Всё?

— Всё.

Его рука оказалась за моим плечом. Я смотрела прямо перед собой, чувствуя её там так отчётливо, будто он обнял меня. И разозлилась не на него, а на собственное тело: оно принимало малейшее соседство за приглашение вспомнить то, что я давно велела ему оставить в покое.

Арсений убрал руку.

Мы выехали со склада под шум найденной наконец музыкальной волны. Я сосредоточилась на машине, дорожных знаках и длинном тормозном пути. Когда кабина перестала казаться чужой, стало легче разговаривать.

— Ты всегда хотел заниматься гостиницами? — спросила я.

— Нет. И сейчас не уверен, что хочу.

— Сильное начало для человека, который купил половину отеля.

Он посмотрел в боковое окно.

— У меня была возможность сделать выбор. Я сделал. Не обязательно самый разумный.

— А раньше разумные делал?

— Некоторые.

— Счастливые?

Арсений повернулся ко мне. Я почувствовала взгляд боковым зрением, но продолжала смотреть на дорогу.

— Было разное.

Мне хотелось спросить, кого он любил. Кто знал, как он выглядит утром. Кто оставлял вещи в его ванной и смеялся над его привычкой складывать щеки лицевой стороной вверх. Я не имела права на эти ответы только потому, что когда-то они относились ко мне.

— Я тоже была счастлива, — сказала я.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

— Не в смысле, что всё было идеально. В смысле, что моя жизнь не остановилась в тот день, когда ты уехал.

— Я понимаю.

Я остановилась на красный. Между нами внезапно стало очень тесно.

— Правда?

Он не стал отвечать слишком быстро.

— Я учусь понимать, что у меня нет права считать твою жизнь продолжением того разговора, который я тогда не выдержал.

Загорелся зелёный. Я переключила передачу, выехала на дорогу и некоторое время слушала, как плохо закреплённая пустая бутылка перекатывается под сиденьем.

— У тебя кто-нибудь есть? — спросила я наконец.

Вопрос вырвался так просто, что захотелось немедленно открыть окно и выбросить его вслед дороге.

Арсений посмотрел на меня.

— Нет.

Я кивнула, будто мы обсуждали наличие запасного колеса.

— У меня тоже.

— Я не спрашивал.

— А я не хочу, чтобы ты слышал об этом от Олега в середине делового разговора.

Он сдержал улыбку, но не до конца.

— Спасибо за соблюдение порядка передачи информации.

Я ударила его сложенной накладной по колену, не отрывая глаз от дороги.

Остаток пути мы разговаривали об обычных вещах. О городах, где жили. О клиентах, которые просили поставить окно на северную стену, чтобы «весь день было солнце». О моей съёмке, на которой хозяин три часа переставлял носки в открытом шкафу, убеждая меня, что именно так интерьер выглядит естественно.

Мне было хорошо.

Я не хотела немедленно решать, что это значит.

* * *

Ася приехала с сумкой, ножами и маленьким вентилятором на прищепке.

— Мне сказали, здесь море, — объявила она, стоя у стойки. — А я вижу мужчину, две коробки и Веронику с лицом, которое придётся долго обсуждать.

— Начни с вентилятора, — сказала я.

Мы обнялись так крепко, что ручка моей сумки вдавилась в бок. Я не стала её поправлять.

Ася знала Арсения. Не была свидетелем нашей счастливой истории в каждой детали, но отлично помнила конец. Посмотрела на него поверх моего плеча, кивнула и не устроила сцену, за что я готова была отдать ей любую кастрюлю из отцовского наследства.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Я пока не решила, как к тебе относиться. Не торопи.

— Не буду.

Она повернулась ко мне.

— Кухня?

— Вниз, направо. Марина ждёт.

— Кто поставил кастрюли в духовку?

Я закрыла глаза.

— Они всё-таки там?

Ася подняла ножевой чехол.

— Сейчас познакомимся с прошлым поближе.

В кухне она за десять минут выяснила больше, чем я за весь предыдущий осмотр. Что работает, что надо чинить, какой холодильник держит температуру, куда можно поставить новый стол, кто будет принимать продукты. С Мариной разговаривала прямо и спокойно, не делая вид, что согласится готовить для всего Ветрово из одной большой любви к нашей дружбе.

Когда мы остались одни, она села на край свободного стула и спросила:

— Условия по деньгам сразу обговорим?

— Конечно.

Я показала ей расчёт, который они с Мариной успели составить ещё вчера в переписке. Ася посмотрела, сделала две пометки и сказала, какую часть предложенной работы взять не сможет.

Мне было приятно, что она не жертвует собой ради меня. Дружба не становилась слабее от того, что мы обе помнили о своей жизни.

— Я хотела сменить место на сезон, — сказала она. — А не стать святым поваром в разрушенном монастыре. Разница есть.

— Огромная. В монастыре хотя бы меньше пьющих гостей.

— Ты просто плохо представляешь монастыри.

Мы рассмеялись, и я впервые почувствовала, что в этой кухне можно не только разбирать оставшееся, но и начинать своё.

Потом Ася поставила передо мной воду и спросила уже совсем другим голосом:

— Как ты с ним?

Я долго смотрела на стакан.

— Не знаю.

— Хорошо. «Не знаю» лучше, чем три часа объяснять, что тебе совсем всё равно.

— Мне не всё равно.

Произнести оказалось страшнее, чем я ожидала. Пока я только думала об этом, можно было списать на жару, память, случайное соседство. Вслух всё становилось неприятно настоящим.

Ася не улыбнулась многозначительно. Не сказала, что знала.

— Ты ему что-нибудь должна?

— Половину оплаченного сегодня заказа.

— Это я одобряю. Всё остальное проверяй отдельно.

Она встала, раскрыла свой чехол с ножами, посмотрела на мой испуганный взгляд и закатила глаза.

— Господи, Ника. Лук. Я буду резать лук.

* * *

Под вечер я отправила матери фотографию кухни, а потом, по ошибке, ещё один снимок из утренней серии.

На нём Арсений стоял к морю спиной.

Я заметила лишний файл, когда возле сообщения уже появились две отметки. Удалить было бы хуже, чем оставить: мама слишком хорошо знала меня и слишком мало нуждалась в материальных доказательствах.

Она позвонила через несколько минут.

— Ася приехала?

— Да. Уже ругает плиту.

— Значит, всё нормально.

Мама говорила тихо. Где-то рядом щёлкнул выключатель. Я представила её в квартире, которую видела несколько раз и всё ещё считала временной, хотя она жила там уже третий год.

— Красивый снимок, — сказала она.

Я села на подоконник двенадцатого номера.

— Какой из двух?

— Ты знаешь.

Мне захотелось пошутить и не получилось.

— Я не планировала его снимать.

— Фотографии редко спрашивают, что мы планировали.

За дверью прошли с чем-то тяжёлым. Я услышала голос Тимура, потом Арсения: короткое уточнение, смешок, глухой стук аккуратно поставленной коробки.

— Мама, ты злишься, что я осталась?

— Нет.

— А что он здесь?

Она не ответила сразу, и я была благодарна хотя бы за то, что не станет лгать ради моего спокойствия.

— Мне трудно представить, что я снова войду в этот отель и увижу его. Но это мой разговор с ним. У тебя свой.

— Я не хочу выбирать между вами.

— Я и не ставлю тебя перед таким выбором.

Я прижала затылок к прохладному откосу. Хотелось, чтобы мама посоветовала что-нибудь очень конкретное. Отправила меня домой. Разрешила быть счастливой. Сказала, сколько времени человеку положено помнить обиду, если он всё ещё знает, как звучит чужое дыхание у самого уха.

Она ничего такого не сказала.

— Ты не обязана возвращать всё, что потеряли мы, — произнесла мама. — Ни дом, ни лето, ни людей. Выбирай, что тебе нужно сейчас.

— А если я ошибусь?

— Тогда позвонишь мне. Я не обещаю мудрый совет. Но трубку возьму.

После разговора я ещё некоторое время сидела на подоконнике. За стеклом темнело море. В коридоре стало тихо, потом в соседнем номере щёлкнул замок.

Я открыла сделанные утром фотографии.

На одном снимке Арсений всё-таки смотрел прямо в объектив. Я нажала затвор раньше, чем успела попросить его повернуться. Лицо не было готово к фотографии: чуть приоткрытые губы, тень на щеке, растерянность, которой он не показывал в разговоре.

Я не удалила этот кадр.

Положила телефон экраном вниз и пошла помогать Асе накрывать на ужин.

Глава 6. Недостающая половина

Арсений

Грузовик приехал в восемь. Водитель открыл задний борт, и я сразу увидел, что мы не поместимся в сроки.

В кузове стояли коробки с душевыми стойками. Между ними лежали две упаковки плитки и чужая детская кровать, обёрнутая плёнкой. Ни одного поддона с дверями.

— А двери? — спросил Тимур.

Водитель протянул ему лист.

— Что загрузили, то привёз.

— Мы вчера на складе на них смотрели.

— Поздравляю. Сегодня можете посмотреть на кровать.

Я набрал кладовщика. Тот ответил с четвёртого раза, и по паузе после моего имени стало понятно: двери он уже вспомнил. Комплект на двенадцать номеров остался на другой площадке. Машина туда будет только в понедельник. Крепёж уехал вместе с дверями.

Ника вышла на крыльцо с кружкой. На ней были широкие брюки, белая майка и рубашка, накинутая поверх. Волосы ещё влажные. Она остановилась рядом, посмотрела в кузов и спросила:

— Мы теперь детский сад?

— Двери на другой площадке, — сказал я.

— На той, где мы были?

Я кивнул.

— Я могу сейчас съездить.

— На чём? В мою машину даже одна не войдёт.

— Закажу другую.

— И заплатишь второй раз за доставку?

Я посмотрел на неё. Она отпила кофе, поморщилась и переставила кружку на перила.

— Подожди, — сказала Ника. — Нам все двенадцать сегодня нужны?

— Без дверей нельзя делать откосы.

— Во всех двенадцати номерах сразу?

Тимур чесал край распечатки большим пальцем.

— В четырёх бы начать. В остальных ещё стены не закончены.

Ника достала телефон.

— У местной мебельной мастерской есть фургон. Я вчера снимала их вывеску для Марины. Они по четвергам возят заказы в город, но сейчас среда. Узнаю.

Водитель хмыкнул и полез искать чужой детский матрас. Я стоял рядом с открытым кузовом, с трубкой в руке, и слушал, как Ника задаёт точные вопросы. Где машина. Кто за рулём. На какую площадку можно заехать. Сколько стоит один рейс без разгрузки.

Она не делала вид, будто знает устройство дверной коробки. Просто начала с того, что действительно требовалось узнать.

— Четыре комплекта возьмут, — сказала она, закончив разговор. — Включая крепёж. У них там свой заказ. Доставка пополам с мастерской, но поднимать будем сами. Остальные привезёт наш перевозчик в понедельник за свой счёт.

Я перевёл взгляд на Тимура.

— Работу переставим?

— Если не пытаться поднять всю гостиницу к обеду, переставим.

Ника улыбнулась в кружку.

Мне захотелось коснуться её плеча. Коротко, привычно, как когда-то после удачного решения, которое пришло ей раньше меня. Я удержал руку на телефоне.

— Спасибо, — сказал я.

— Скажешь, когда привезут. Пока это разговор с человеком, который тоже может забыть наши двери.

Она ушла обратно, а я снова позвонил кладовщику. На этот раз не пытался выбить обещание исправить сразу всё. Продиктовал номера четырёх комплектов и попросил прислать фотографию того, что передадут водителю мастерской.

* * *

К полудню отель наполнился звуками, которых я успел от него отвыкнуть. На втором этаже стучали по дверным клиньям. Внизу Ася спорила с поставщиком зелени так, будто от количества базилика зависело устройство государства. Марина отвечала на звонок, прижимая трубку плечом, и одновременно оттирала липкий след от старого скотча.

Ника сидела на полу в пустом холле. Перед ней лежали четыре образца ткани, а рядом — ноутбук. Она фотографировала их на фоне стены.

— Ты выбрала цвет? — спросил я.

— Сейчас выберу, чем этот цвет будет казаться на сайте. Это разные занятия.

— Могу поддержать.

Она посмотрела на меня снизу вверх.

— Не образцы. Вот эту белую штуку.

Я взял отражатель. С первого раза поставил его так, что полоса света легла ей поперёк лица. Ника прикрыла глаза.

— Ты мстишь?

— За ткань?

— За то, что утром пришлось подождать.

— У меня пока нет настолько тонкого плана.

Она подвинула мою руку. Её пальцы обхватили запястье, прохладные после кружки со льдом. Прикосновение длилось меньше секунды. Я всё равно перестал понимать, куда направляю отражатель.

— Не на меня. На стену, — сказала Ника.

— Понял.

Она сделала несколько кадров, проверила экран, раздвинула ткани. Чуть покусала нижнюю губу. Раньше я умел узнавать по этому движению, когда ей не нравится результат, а когда она просто думает. Теперь не был уверен ни в чём.

— Синий красивый, — сказал я.

— Синий на фотографии станет почти чёрным. И в номере будет темно.

— Тогда зачем ты его взяла?

— Потому что он красивый.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно засмеялись. Я услышал собственный смех словно со стороны. Грубоватый, слишком громкий для пустого холла. Ника опустила глаза к экрану, но улыбка осталась.

Между нами не произошло ничего, что следовало бы запомнить. Четыре куска ткани, неудачно поставленный свет. И всё-таки я знал, что вечером буду вспоминать именно эту минуту.

Фургон приехал вовремя. К двум часам первые четыре комплекта оказались наверху. Ника проверила накладную, фотографию крепежа и только потом сказала:

— Теперь пожалуйста.

Я не сразу понял.

— За утро. Ты говорил спасибо. Теперь можно принять.

— Пожалуйста принимается только после результата?

— С тобой я пока осторожная.

Она произнесла это без нажима. Просто сообщила, где стоит. Мне захотелось попросить её побыть осторожной подольше, лишь бы не уходила совсем. Я ничего такого не сказал.

* * *

Илья появился к пяти, с рюкзаком на одном плече и пакетом черешни в руке. Я как раз мыл в подсобке порез на большом пальце. Он остановился в дверях, посмотрел на кровь в раковине и покачал головой.

— За пять дней уже начал разбирать себя на материалы?

— Задел профиль. Ты как приехал?

— Автобусом. Такой жёлтый, с колёсами. Люди выходят, люди заходят. Тебе бы попробовать.

Я закрутил воду.

Илья обнял меня одной рукой, хлопнул по спине и отступил, разглядывая лицо. Брат был ниже меня, но шире в плечах. Когда смеялся, делался похож на мальчишку, которому я разрешал не делать уроки до позднего вечера. Пока не смеялся — было видно, что ему двадцать шесть и собственных решений он принял уже больше, чем я успевал заметить.

— На сколько?

— На несколько дней. Работу взял с собой. Если поселишь рядом с перфоратором, завтра же уеду.

— Номер найдём.

Из коридора показалась Ника.

— Илья?

Он обернулся, и его лицо сразу изменилось. Не тревогой. Радостью, к которой он не приготовился.

— Вот теперь вижу, что действительно приехала.

Ника подошла и обняла его. Легко, без той короткой задержки, с которой встречала меня. Я отвернулся к аптечке. Не потому, что они мешали. Потому, что эта разница была точной и справедливой, а принять её всё равно оказалось неприятно.

— Ты же должен быть маленький, — сказала Ника, отпуская брата.

— Я старался. В какой-то момент перестало получаться.

— Ему восемнадцать было, — заметил я.

— Спасибо, Сеня. А то я почти убедил женщину, что мы виделись в детском саду.

Ника засмеялась и взяла у него пакет с черешней.

— Пойдём. Я покажу, где здесь не работает холодильник. Но Ася считает, что это временно.

— В отличие от моей молодости, — сказал Илья и пошёл за ней.

Я остался с открытой коробкой пластырей.

Ужинали на кухне за рабочим столом. Ася решила, что приезд гостя не основание переставать резать овощи, поэтому между тарелками стоял таз с огурцами. Илья помогал ей, хотя раньше его кулинарные умения ограничивались заказом доставки. Тимур принёс из машины

маленькую колонку и спросил, не мешает ли музыка. Ника разрешила, а через минуту начала спорить с выбранной песней.

Я видел, как у неё отходит напряжение в плечах. Как она смеётся с наполненным ртом и потом прикрывает губы ладонью. Как поправляет рукав, пока режет хлеб. В её отсутствие я представлял, что встреча будет состоять из больших слов, признаний, объяснений. Оказалось, сильнее всего меня выводило из равновесия то, что она могла просто сидеть рядом.

Потом Ника ушла звонить клиенту. Ася отправила Тимура разбираться с холодильником. Илья собирал тарелки медленнее, чем требовалось.

— Она знает? — спросил он.

Я поставил стакан в мойку.

— Что именно?

Брат посмотрел на меня. Я сразу пожалел о вопросе.

— Не делай со мной это.

— Ещё нет.

— Она приехала надолго?

— До открытия. Если раньше не передумает.

— А ты чего ждёшь?

За дверью стукнули каблук Никиты. Она прошла мимо, разговаривая по телефону, и я услышал её рабочее «нет, такой свет мы получим только утром». Не голос девушки на пирсе, не голос человека, которому мне предстояло причинить боль. Обычная женщина решала обычную задачу.

— Я не хочу вывалить всё на неё в первый же день, — сказал я.

— Сегодня пятый.

Я молчал.

— Я не буду говорить за тебя, — сказал Илья. — Но и помогать тебе изображать, будто ты просто хороший парень со сложной судьбой, не буду.

Он взял последнее блюдо и открыл воду.

* * *

Вечером я шёл по второму этажу с коробкой новых ручек. В коридоре горела только половина ламп. Ника стояла возле своего номера и пыталась одновременно держать ноутбук, зарядку и стопку образцов.

— Сейчас уроню, — предупредила она.

Я успел подхватить ноутбук, когда он уже пополз вниз. Ткань рассыпалась по полу. Ника прижала к груди зарядку, будто та была последней уцелевшей ценностью.

— Отлично. Очень взрослая женщина.

— Профессиональная разгрузка, — сказал я.

Мы присели одновременно. Её колено коснулось моего. Ника потянулась за синим образцом в тот же момент, что и я, и наши руки встретились.

Она не отдернула пальцы сразу.

В узком промежутке между нами пахло её шампунем, нагретой тканью и морским воздухом из открытого окна. Я видел светлую отметину на её предплечье, которой раньше не было. Не знал, откуда она. Не знал множества других вещей, которые со мной никто не делил восемь лет.

Ника подняла голову.

— Ты порезался.

Пластырь на большом пальце отклеился. На нём выступило красное пятно.

— Уже перевязал.

— Плохо.

Она коснулась края пластыря. Я мог бы остаться так ещё на несколько секунд. Подвинуться ближе. Проверить, что означает её неподвижность. Вместо этого убрал руку и собрал ткань с пола.

— Заменю, — сказал я.

Ника медленно встала. Я подал ей ноутбук, затем стопку образцов. Между нами снова оказалось достаточно места.

— Спасибо за день, — произнесла она.

— Двери уже стоят. Можно принять.

Ника улыбнулась, но не так, как днём. Тише.

— Можно.

Она открыла свой номер. Я остался с коробкой ручек в руках и подождал, пока закроется дверь. Не прислушивался. Просто смотрел на синюю полоску ткани, которую она не заметила и оставила у меня на ладони.

Потом постучал, вернул её и ушёл вниз менять пластырь.

Глава 7. Вода держит

Ника

На фотографии кровать выглядела так, будто её только что покинул очень организованный человек. В жизни под ней лежал шуруп, в углу стояло ведро, а я пятнадцать минут пыталась заставить простыню согласиться с существованием прямых линий.

— Может, она не обязана быть такой гладкой? — спросила Ася.

— Она обязана хотя бы не напоминать карту высот.

Подруга стояла в дверях с двумя бутербродами на тарелке. Один уже надкусила.

— Ты продаёшь людям отдых или операционный стол?

Я опустила камеру. На светлом покрывале действительно получилось что-то больничное: слишком туго натянутый край, две одинаковые подушки, пустая прикроватная тумба. Я убрала одну подушку на стул, положила на тумбу стакан, поправила штору. Полоса утреннего света дошла до изголовья.

— Вот теперь похоже, что здесь можно жить, — сказала Ася.

— Только не ешь над кроватью.

Она посмотрела на свой бутерброд и отступила за порог с преувеличенной осторожностью.

В шесть утра отель был почти бесшумен. Из кухни тянуло поджаренным хлебом; где-то внизу Марина разговаривала с горничной. Я снимала четвёртый номер основного корпуса. Пока он был готов только для фотографии: вода проверена, окна открывались, но список мелочей на двери всё ещё занимал целый лист. Гостей сюда не поселили бы даже за самую красивую подпись в интернете.

Арсений это повторял спокойно, без обычного желания выиграть спор. Я тоже не собиралась продавать обещание горячего душа, который существовал только в смете. Но мне хотелось показать комнату так, чтобы за ней можно было увидеть лето.

Я присела на корточки, выровняла вертикаль окна и сделала кадр. Затем ещё один, ближе к стулу. В отражении стекла оказалась часть моего лица: усталые глаза, торчащая прядь, след ткани на щеке. Вчера уснула на образцах.

Ася протянула мне второй бутерброд.

— Ешь. Ты начинаешь смотреть на подушки как на людей, которые тебя предали.

— Они ещё успеют.

Мы сели на подоконник в коридоре. Край камня приятно охлаждал бёдра. Под окном Тимур выгружал из машины инструмент, а Илья помогал ему распутать длинный удлинитель. Они не справлялись с этим вдвоём и вместо работы смеялись.

— Твой приезжий симпатичный, — сказала Ася.

Я повернула голову.

— Илья?

— Я про перфоратор. Но Илья тоже ничего.

— Тимур не приезжий.

Подруга сделала вид, что очень заинтересовалась помидором в бутерброде.

— А я разве про него?

Внизу Тимур поднял голову и помахал нам. Ася помахала в ответ так быстро, что чуть не уронила тарелку. Я засмеялась. Она ткнула меня локтем.

— Снимай свою кровать.

* * *

Первый запрос пришёл после полудня.

Не бронь. Женщина по имени Полина увидела старую страницу «Маяка», нашла наш новый номер и хотела узнать, будет ли отель работать к концу июля. Ехала с подругой на шесть ночей. Им требовались две отдельные кровати и возможность сдать мокрые вещи после пляжа.

Я перечитала сообщение два раза. Потом отнесла телефон Марине.

— Здесь спрашивают про конец июля.

— Я умею читать, — сказала она, но взяла телефон обеими руками.

Я почувствовала себя глупо. Марина прожила с этим отелем больше лет, чем я успела прожить вообще, а я принесла ей один вопрос незнакомого человека как доказательство, что мир не закончился.

Она увеличила текст.

— Две кровати есть в третьем и седьмом. Седьмой с видом на двор. Там тихо.

— Они спрашивают, можно ли уже вносить предоплату.

У Марины дрогнули губы.

— Можно написать, что мы свяжемся, как только подтвердим готовность. Не будем брать деньги раньше.

Я кивнула. Мы вместе составили ответ: планируем открытие двадцать первого июля, сейчас идут работы, готовы предварительно записать пожелания и вернуться с подтверждением. Я добавила две фотографии, на которых не прятала близость соседнего дома и обычный, без пальм, двор.

Арсений пришёл за списком светильников и застал нас над телефоном.

— Что случилось?

— Две женщины хотят сушить у нас купальники, — сказала я.

— Серьёзные намерения.

— Очень. Отдельные кровати, шесть ночей.

Он прочитал ответ, который мы ещё не отправили.

— Всё честно, — сказал он и вернул телефон.

Мне почему-то стало жарко от двух этих слов. Наверное, потому, что они касались работы. Не прошлого. Не наших неудач. Того, что я делала сейчас и делала хорошо.

Я отправила сообщение и положила телефон экраном вниз.

— Светильники на столе. Справа, под рулеткой.

— Уже нашёл.

Арсений поднял папку. Мы зачем-то ещё несколько секунд смотрели друг на друга. Марина деликатно, но очень громко выдвинула ящик с документами.

— А кофе закончился, — сообщила она.

Я отвернулась первой.

* * *

В половине пятого Ася вошла в мой номер и положила на ноутбук полотенце.

— Собирайся.

— У меня отбор.

— У меня тоже. Между нормальной подругой и женщиной, которая однажды начнёт разговаривать с балансом белого. Выбираю пока тебя.

Я посмотрела на часы.

— Через час свет для балконов.

— Через час мы вернёмся. Море в семи минутах. Ты приехала на берег, Ника. Это огромная мокрая штука за окном, которую ты используешь как источник отражённого света.

Я хотела возразить. Потом увидела её купальник под расстёгнутой рубашкой, старые шлёпанцы, крем, который она уже держала наготове, и поняла, что спор займет больше времени, чем дорога.

На пляже было немного людей. Семья с большим зонтом, два мужчины у волнореза, женщина читала под тентом, придерживая страницы бутылкой воды. Мы выбрали место подальше от спуска. Я оставила телефон в сумке и долго стояла у самой кромки, позволяя воде добираться до щиколоток.

— Ты помнишь, что умеешь? — спросила Ася.

— Разумеется.

— Ты стоишь, как будто тебе сейчас дадут инструкцию.

Я первой пошла в воду.

Она была прохладнее воздуха, с тёплыми слоями у поверхности. На третьем шаге песок ушёл из-под пятки, и я засмеялась от неожиданности. Ася рядом шумно вдохнула и выругалась на холод без особой убеждённости. Потом мы поплыли вдоль берега, не уходя за буйки.

Море не спрашивало, продам ли я отель. Ему было совершенно всё равно, сколько я заработала на последней съёмке и чем закончился вчерашний разговор с матерью. Нужно было поворачивать голову, дышать и двигать руками. Я успела забыть, насколько это приятно — делать что-то, где результат не остаётся файлом на диске.

Когда мы вышли, я заметила Арсения у спуска.

Он нёс две складные металлические рамы. Рядом шёл Илья с пакетом крепежа. Оба оставались возле мужчины из пляжного проката. Тот показывал на сломанную опору тента и говорил что-то, активно размахивая пальцем.

— Совпадение, — сказала Ася.

— Я ничего не спросила.

— Ты вытерла плечо три раза. Оно уже сухое.

Я бросила в неё край полотенца. Арсений поднял глаза как раз в этот момент.

Он не пошёл к нам сразу. Договорился с мужчиной, поставил рамы возле будки, вытер ладони о брюки. Я успела решить, что он просто кивнёт издали. Вместо этого Илья направился к нам, и Арсений пошёл рядом.

— Сезон открыли без нас? — спросил брат.

— Вы были заняты металлическими вещами, — сказала Ася. — Мы не хотели мешать отношениям.

Илья сел на свободный край полотенца, предварительно спросив разрешения. Арсений остался стоять. Я заметила, что он смотрит мне в лицо с такой сосредоточенностью, будто остальные части меня представляли слишком трудную задачу.

— Купался? — спросила я.

— Пока нет.

— Жаль. Я бы сняла хорошее доказательство, что ты иногда отдыхаешь.

— У тебя камера?

Я показала на пустые руки.

— Сегодня без неё.

Он улыбнулся. Ветер трепал край его футболки. На виске осталась пыль, возле шеи темнел маленький след от ремня. Мне вдруг до нелепого захотелось стереть эту пыль большим пальцем.

— Тогда доказательств не будет, — сказал он.

Арсений снял футболку, сложил её на раме и пошёл к воде. Я опустила глаза к сумке, но успела увидеть его спину. Она стала шире, чем в моей памяти. У левого плеча белел шрам, которого я не знала. Обычный, небольшой. От этого незнания внутри неприятно кольнуло.

Ася молча протянула мне бутылку.

— Даже не начинай, — сказала я.

— Я пока только даю воду. Всё остальное ты прекрасно делаешь сама.

* * *

Мы задержались дольше обещанного часа. Балконы можно было снять на следующий день. Я не сразу позволила себе принять эту мысль, но потом мир не рухнул, и я решила проверить её ещё раз.

Арсений вернулся из воды, сел на песок чуть поодаль и откинул голову, подставляя лицо солнцу. Илья рассказывал Асе о работе, в которой я поняла только слово «сервер». Подруга задавала вопросы с такой серьёзностью, будто собиралась заказать у него кухонную вытяжку с искусственным интеллектом.

Я села рядом с Арсением. Между нами оставалось полметра песка.

— Хорошо? — спросила я.

— Очень.

Он говорил о море. Наверное. Я посмотрела на его мокрые ресницы и решила не проверять.

— Мы с Мариной ответили тем женщинам, — сказала я. — Они согласны подождать подтверждения.

— Это хороший знак.

— Или у них пока нет других планов.

— Ты любую хорошую новость сначала проверяешь на подвох?

Я обняла колени.

— Не люблю.

Арсений повернул голову. Я не отвела глаз.

Ветер принёс с набережной запах жареной кукурузы. За спиной кто-то смеялся, хлопнула крышка сумки-холодильника. Мне захотелось, чтобы этот вечер состоял только из таких звуков. Чтобы рядом со мной сидел мужчина, которого я могла рассматривать без возвращения в тот год.

— Я рада, что вышла, — сказала я.

Он ничего не присвоил в моих словах. Просто кивнул.

— Я тоже.

Обратно мы шли вчетвером. На подъёме у меня выскользнул из сумки мокрый купальник. Я успела прижать его локтем к боку, но полотенце упало. Арсений поднял его и протянул мне. Смешная бытовая неудача почему-то смутила сильнее, чем пляж.

— Спасибо.

— Ника.

Я обернулась.

Он держал в другой руке мою заколку. Ту самую, которая всё время терялась в сумке.

— Это тоже твоё.

Я забрала её с его ладони. Пальцы были уже сухими и тёплыми. Ася впереди громко потребовала от Ильи рассказать ещё про сервер, хотя до этого, кажется, устала от объяснений.

Мы оба услышали и улыбнулись.

В отеле я повесила купальник на балконе, открыла ноутбук и отобрала четыре снимка для страницы. На последнем солнце лежало на пустом стуле так, что мне захотелось сесть туда самой.

Я оставила этот кадр. Затем закрыла ноутбук, хотя могла бы работать ещё два часа, и пошла ужинать.

Глава 8. Свет, который можно оставить

Арсений

Светильники продавала женщина, которая не верила, что их действительно собираются куда-то повесить.

— Обычно берут в декорации, — сказала она. — Для фотографии, для кафе, где всё понарошку старое. А у вас что?

— Старое по-настоящему, — ответила Ника.

Женщина удовлетворённо кивнула и отдала ей ключ от железного сарая.

Мы приехали на рынок раньше, чем разошлись обычные продавцы. Здесь, за рядами с фруктами и пляжными полотенцами, по четвергам выставляли вещи из закрытых пансионатов, кафе и квартир. Я запомнил это место ещё по первому приезду. Тогда купил у одного мужчины ящик дверных петель, из которых подходящими оказались четыре. Ника, услышав историю, сказала, что вопрос не в количестве петель, а в том, сколько коробок с непонятным железом я готов хранить ради возможности когда-нибудь оказаться правым.

Ответ я решил не давать.

В сарае пахло пылью и нагретой фанерой. Над столом висела связка абажуров, похожая на странный урожай. На полу стояли коробки с проводами. Ника включила фонарик и отодвинула полупрозрачный пластик.

— Вот они.

Два бра с матовыми стеклянными чашами лежали в одеяле. Латунь потемнела, на одной чаше виднелась царапина, но форма была хорошая: спокойная, без попытки изобразить дворец. Почти такие висели когда-то возле лестницы «Маяка».

Ника провела пальцем по стеклу.

— Папа их снял, когда делал в холле «современный ремонт».

Она показала кавычки свободной рукой. Я помнил этот ремонт. Чёрные глянцевые панели, огромные часы без цифр, холодные лампы, от которых люди в зеркале выглядели заболевшими.

— Эти, кажется, из «Ласточки», — сказал я.

— Знаю. Но похожие.

Я поднял один светильник. Крепление сохранилось, клеммы требовали замены, провод был старый, потрескавшийся у основания.

— Корпуса можно оставить. Начинку полностью меняем. Электрик посмотрит, затем решим, куда ставить.

Ника перестала гладить стекло.

— Я не собиралась просто воткнуть в розетку.

— Я не об этом.

— Ты сказал это таким тоном, будто у меня уже в руках вилка.

Я опустил бра на стол.

— Извини. Провод плохой. Иногда говорю быстрее, чем думаю, как это звучит.

Она посмотрела на трещину в изоляции, потом на меня.

— Поняла. Давай сфотографируем и отправим электрику. Чтобы не тащить обратно бесполезное стекло.

Мы сделали снимки. Пока ждали ответа, хозяйка рассказывала, где ещё лежат вещи из старых гостиниц. Ника слушала внимательно. Она умела разговорить человека без ощущения

допроса: замечала кольцо, спрашивала о фотографии в рамке, возвращалась к деталям, которые другой уже успел забыть. Через десять минут выяснилось, что в соседнем контейнере есть столик, вполне подходящий для нашей лестничной площадки.

Я стоял рядом и понимал, как мало видел её в работе прежде. В двадцать лет Ника снимала всё подряд, меня в том числе. Мне казалось, что камера была способом смотреть на мир, а настоящая профессия появится потом, когда она определится. Эта снисходительная мысль неприятно всплыла сейчас. Я любил её талант, пока он помещался в моё представление о том, какой будет её жизнь.

— Что? — спросила она.

— Смотрю, как ты торгуешься.

— Я ещё не начала.

— Тогда предупреждаю, что впечатлён заранее.

Она улыбнулась уголком рта и повернулась к хозяйке.

Через четверть часа у нас были два бра, столик и старая книга учёта, которую Ника выбрала не для номера, а для себя. По пустым клеткам на последних страницах кто-то когда-то рисовал корабли.

* * *

На обратном пути мы остановились у маленькой пекарни. За окном вынимали хлеб из печи, и Ника сказала, что не поесть здесь будет невежливо по отношению к запаху.

Столики на улице стояли слишком близко. Я сел спиной к прохожим, чтобы они не задевали её стул. Ника заметила, но ничего не сказала. Развернула бумажный пакет и достала два пирожка, один чуть разломился по шву.

— Этот тебе, — сказала она.

— Почему?

— У него сложный характер. Договоритесь.

Начинка обожгла язык. Я сделал вид, что всё нормально, и Ника тут же протянула мне воду.

— Взрослый мужчина, — произнесла она с искренним сочувствием.

— Профессиональная травма.

— Ты архитектор. Вы обжигаетесь об амбиции, а не картошку.

Я засмеялся и закашлялся. Она смотрела на меня поверх стакана, улыбаясь открыто, как накануне на пляже. Солнечный свет проходил через тонкую ткань её рукава. На губе осталась крошка. Я заметил её и потерял нить разговора.

— Что ещё купим? — спросила Ника.

— Ничего.

— Отличный ответ. Запомню, когда увидишь железный ящик без назначения.

Я отвёл взгляд к дороге. Мужчина на велосипеде объехал припаркованную машину, из соседней лавки выносили ящики с абрикосами. Утро шло своим чередом. Мы могли бы провести его так, не касаясь всего, что заставляло нас в отеле проверять каждое слово.

Ника перестала улыбаться первой.

— Зачем ты вернулся, Арсений?

Она не выделила вопрос паузой. Не сделала из него проверку. Просто положила недоенный пирожок на пакет и посмотрела мне в лицо.

Я слишком много раз отвечал на это сам себе. Каждый раз получалось немного удобнее.

— Хотел сделать с отелем то, что давно должен был, — сказал я.

— Отремонтировать?

— В том числе.

Она ждала.

— Я знал, что Олег продаёт долю. Поговорил с ним. Сначала думал, что помогу найти покупателя. Потом понял, что не хочу отдавать всё под снос.

— И купил.

— Да.

— Чтобы сохранить моё детство?

В её голосе появилась сухость. Я услышал, насколько легко было попасть в ловушку красивого ответа.

— Нет. Я не имею права покупать твоё детство. Мне самому важен этот отель. И я хотел исправить то, что сделал здесь.

Ника перевела взгляд на проезжающую машину.

— Раньше ты говорил «то, что случилось».

Я помнил. Люди очень хорошо помнят, когда меняется формулировка, от которой зависела их жизнь.

— Раньше я много выбирал удобные слова.

— А сейчас?

— Сейчас тоже тянет. Но стараюсь замечать.

Она провела большим пальцем по краю бумажного пакета. Разгладила складку, которую тут же смял ветер.

— Мне бы хотелось знать, что конкретно ты исправляешь. Здесь всё слишком похоже на нашу старую жизнь. А ты ведёшь себя так, будто можешь по чуть-чуть вкладывать в неё деньги, и в какой-то момент она перестанет болеть.

Я отодвинул стакан.

— Деньги ничего такого не сделают.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Мне хотелось сказать, что я понимаю и другое: как она смотрела тогда на пирс, как дождалась сообщения, как всё, вероятно, объясняла себе потом. Но я этого не знал. Только воображал, а она имела право не получать от меня ещё одну чужую версию собственной боли.

— Я расскажу, — сказал я. — Не здесь, посреди завтрака. И не за один разговор, чтобы потом сказать: ну вот, теперь ты всё знаешь.

Ника долго смотрела на меня.

— Я не обещаю, что захочу слушать, когда ты наконец соберёшься.

— Знаю.

— Не уверен, что знаешь. Ты привык выбирать момент. У меня тоже есть такое право.

Она взяла пакет. Я расплатился за свой кофе, она за свой, и мы пошли к машине.

Я нёс светильники, завернутые в одеяло. Вещи были хрупкими и неудобными. Проще всего оказалось думать о том, чтобы не ударить стекло о дверь.

* * *

В отеле нас встретила Марина с сообщением, что в пятом номере с трудом открывается окно. Я хотел сразу пойти наверх, но Ника положила ладонь на коробку с бра.

— Сначала это поставим. На лестнице оставлять нельзя.

Мы отнесли покупки в пустой кабинет. Она развернула одеяло, нашла на стекле отпечатки пальцев и засмеялась.

— Я столько времени гладила эту чашку, будто она кот.

— Кот был бы против поездки в багажнике.

— В зависимости от багажника.

Обычный разговор вернулся не сразу, но вернулся. Мне не хотелось торопить его и тем самым обесценить сказанное у пекарни. Ника тоже не изображала, что всё хорошо. Просто люди иногда ставят на стол чашу, протирают её салфеткой и продолжают день, даже если внутри у них не порядок.

Электрик написал, что корпуса по фотографиям выглядят пригодными, но заберёт их на осмотр и замену деталей. Ника отправила ему адрес и спросила, когда удобно приехать. Затем достала старую книгу учёта.

— Смотри.

На пустой странице стояло карандашом: «Саша плюс Лена». Ниже — кривой корабль с огромной трубой.

— Великая история, — сказал я.

— Может, они расстались через неделю.

— Может.

— Но корабль он ей нарисовал старательно.

Я посмотрел на её руку. Она держала книгу за самый край, чтобы не сломать корешок. Мне вспомнилась другая тетрадь, которую я когда-то так и не отправил. Ника не знала о ней. И я пока не мог решить, нужно ли ей вообще это знать. Неотправленные хорошие слова ничего не меняли в том, что я сделал.

— Арсений?

Я поднял голову.

— Окно, — напомнила она. — Пятый номер. А то Марина спустится и решит, что мы здесь открыли музей.

Я пошёл к двери. На пороге остановился.

— У тебя было право уехать тогда, — сказал я. — И сейчас есть. Я не считаю, что ты должна оставаться ради отеля.

Ника закрыла книгу.

— Это лучше говорить себе. Мне я уже сказала.

Я кивнул.

— Хорошо.

В пятом номере проблема оказалась в разбухшей деревянной створке и давно не смазанной петле. Я позвал Тимура, мы сняли измерения, договорились, что он сделает завтра, и ничего не стали ломать сегодня ради вида немедленно решённой задачи.

Внизу Ника разговаривала с Мариной. Её голос поднимался по лестнице, становился неразборчивым, потом снова собирался в слова. Я слушал, как она объясняет, почему на сайте не будет фотографии моря, которого из окна нельзя увидеть.

Мне хотелось быть человеком, которому она могла поверить в таких простых вещах.

Я достал телефон, открыл переписку с Ильёй и написал: «Мне нужно поговорить с тобой до отъезда. Не про гостиницу».

Он ответил почти сразу: «Я понял. До автобуса успеем. На выходных, возможно, ещё вернусь, если сдам свою работу».

Пока я убирал телефон, наверху зажглась лампа. Ника проверяла свет в следующей комнате. Тёплая полоса легла на лестницу, и я поднялся по ней, не пытаясь решить сразу всё, что нас ждало.

Глава 9. За столом напротив

Ника

Павел приехал в белой рубашке, которая не предполагала близости строительной пыли.

Я увидела его из окна кабинета. Он вышел из машины, посмотрел на вывеску, затем на открытые окна второго этажа. На лице ничего не отразилось. Павел умел так смотреть на помещение: будто уже знал его цену и теперь лишь проверял, нет ли причины заплатить меньше.

Мы расстались полгода назад. Сначала я думала, что причиной был его постоянный телефон, лежавший на столе между нами. Потом поняла: мне мешал не телефон. Мне мешало, что, прежде чем спросить меня о чём-нибудь, Павел часто успевал ответить сам.

Он поднялся на крыльцо и заметил, что я смотрю.

— Красивый свет, — сказал он снизу.

Я усмехнулась.

— Наконец ты это заметил.

— Я вообще многое замечал. Не всегда вовремя.

Ответ был неожиданно точным. Я отошла от окна и встретила его в холле.

Павел протянул руку, прежде чем попытаться обнять. Я пожала её. Он принял это без обиды и отдал Марине пакет с кофе.

— Не взятка, — предупредил он. — Мне сказали, что здесь с ним тяжело.

— У нас со всем неодинаково легко, — ответила Марина и положила пакет на стол.

Мы прошли в ресторан. Я выбрала стол у открытого окна, где не слышно было работающей наверху шлифмашины. Павел сел напротив, выложил папку, телефон и тонкий блокнот. В последние месяцы наших отношений он пользовался только телефоном. Блокнот появился позже. Я поймала себя на том, что пытаюсь понять, кто посоветовал ему стать внимательнее, и сразу рассердилась на себя.

Это больше не имело ко мне отношения.

— Давай сначала я покажу, что у нас есть, — сказала я.

— Конечно.

Я разложила фотографии: основной корпус, двор, выход к тропе, западное крыло. Не только красивые. На одной стояли ведра, на другой — раскрывшийся шов возле подоконника. Павел просматривал молча, иногда возвращаясь к предыдущему кадру.

— Ты хорошо снимаешь старые здания, — сказал он.

— Это моё основное занятие.

Он поднял глаза.

— Знаю.

Раньше я бы продолжила спорить с тоном, который, может быть, только мне слышался. Теперь пододвинула ему список работ.

— Вот что требуется до открытия. Вот что мы пока не обещаем. В конце месяца будет отдельное заключение по крылу.

Павел кивнул и открыл свою папку.

Его предложение было разумным. От этого становилось неприятнее, чем если бы он приехал с красивыми фразами и пустыми руками. «Контур» хотел выкупить отель, сохранить часть здания, пересмотреть количество номеров и привлечь оператора. Мне предлагали деньги сразу и возможность позже участвовать в визуальной концепции, если я захочу. Без обязанности оставаться в городе.

Я задала вопросы об условиях, о сотрудниках, о том, что означает «сохранить часть». Он отвечал. На третий вопрос о работе Марины признал, что решения по персоналу будут принимать после обследования.

— То есть никто ничего не гарантирует.

— На этом этапе — нет.

— Это хотя бы понятно.

Я записала сумму и попросила прислать предложение письменно. Павел откинулся на спинку стула.

— Ты уже решила не продавать?

— Я решила не решать за восемь дней то, с чем не разобралась за восемь лет.

— С отелем?

— Сейчас мы говорим о нём.

Он посмотрел на лестницу за моей спиной.

Я не обернулась.

— У нас договорённость попробовать открыть сезон, — продолжила я. — Это не согласие вечно держаться за здание. Но пока она действует.

— До двадцать первого июля.

— Да.

— И ты уверена, что сроки реальны?

— Уверена, что сейчас собираю данные. Я не обещаю тебе ни продажи, ни отказа. Когда будет решение, я сама его сообщу.

Павел на секунду опустил глаза. Потом аккуратно закрыл папку.

— Ты стала говорить короче.

— Мне показалось, ты лучше слышишь.

Он улыбнулся. На этот раз почти по-доброму.

* * *

Арсений появился, когда Павел спрашивал о подъезде к западному крылу. На его футболке темнело пятно, волосы растрепались. Он остановился возле стола, сначала посмотрел на меня, потом на папку.

— Нужна помощь? — спросил он.

— Пока нет.

Павел встал и протянул руку. Они были знакомы по имени, но лично, кажется, встретились впервые. Я наблюдала, как два взрослых человека обмениваются несколькими вежливыми словами, и заранее устала от возможного продолжения.

— Обсуждаем варианты, — сказал Павел.

— Я понял.

— Ветрово меняется. Хорошо, если и здесь получится что-то жизнеспособное.

Арсений положил ладонь на спинку свободного стула. Не сел.

— Получится.

Я подняла голову.

— Мы этого пока не знаем, — сказала я. — Поэтому и обсуждаем.

Пальцы на спинке стула чуть сильнее сжались. Арсений посмотрел на меня, и мне стало ясно: он услышал в моих словах не неопределённость, а готовность уйти. Я могла бы сейчас смягчить. Сказать что-нибудь, что успокоит его, не меняя сути. Мне даже захотелось — слишком знакомо выглядела маленькая складка возле его рта.

Я не стала.

— Технические вопросы пришлём отдельно, — сказал Павел. — Не хочу мешать.

— Ты не мешаешь, — ответила я. — У нас назначенная встреча.

Арсений убрал руку со стула.

— Буду наверху. Если понадобится — позови.

Он ушёл. Мы с Павлом ещё минут двадцать обсуждали документы, которые требовалось собрать для оценки. Я не обещала их все передавать, только записала список. Затем проводила его к машине.

На крыльце Павел остановился.

— Можно не деловой вопрос?

— Можно спросить.

— Ты здесь из-за него?

Я посмотрела через двор на раскрытое окно своего двенадцатого номера. На верёвке висело полотенце, на подоконнике лежала книга со склада. Слишком мало вещей, чтобы назвать это жизнью, слишком много, чтобы считать просто командировкой.

— Я пока сама разбираюсь, из-за чего я здесь, — сказала я. — Но решение о гостинице буду принимать сама.

Павел кивнул.

— Если захочешь обсудить без спешки, звони.

— Письменное предложение жду в любом случае.

Он засмеялся, пообещал прислать и сел в машину. Я постояла на крыльце, пока та не скрылась за поворотом. Потом вернулась в ресторан и убрала бумаги в отдельную папку. Мне нравилось, что встреча закончилась не ссорой. Нравилось, что я смогла услышать предложение, не соглашаясь с человеком целиком.

От этого разговор, ожидавший наверху, казался ещё более досадным.

* * *

Арсения я нашла у лестничного окна. Он отмечал что-то на плане, но по неподвижной ручке было видно, что не продвинулся далеко.

— У тебя есть пять минут? — спросила я.

— Есть.

Я встала рядом. Ветер с моря приподнимал край бумаги, и Арсений машинально придерживал его ладонью.

— Ты что сейчас сделал в ресторане?

— Спросил, нужна ли помощь.

— И пообещал, что здесь всё получится.

Он посмотрел на меня.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что не получится?

— Я хочу, чтобы ты не отвечал за меня раньше, чем мы обсудили.

Арсений выдохнул через нос. На улице кто-то включил сигнализацию машины, она коротко пискнула и замолчала.

— Он смотрел на отель так, будто мы уже согласились.

— Тогда можно было спросить меня после встречи.

— Ника, я не собирался...

— Я знаю. Скорее всего, ты вообще мало чего собирался. Вошёл, увидел Павла, решил, что нужно встать возле стола. Я не маленькая. Даже если встречаюсь с человеком, с которым спала.

Он опустил глаза к плану.

Слова получились резче, чем я хотела. Но я не собиралась брать их обратно лишь потому, что ему стало неприятно.

— Вы давно расстались? — спросил он.

— Полгода назад.

— Он был твоим...

Арсений не договорил. Я едва не улыбнулась от нелепости вопроса, который он не мог задать без того, чтобы самому услышать свой тон.

— Женихом? Нет. Парнем. У меня были отношения после тебя.

— Я понимаю.

— На лице пока не очень.

Он наконец улынулся, коротко и невесело.

— На лице сейчас многое не очень.

Я прислонилась к стене. Снизу донёсся голос Аси: она требовала, чтобы кто-нибудь забрал деревянный ящик с её разделочного стола. Всё вокруг настойчиво продолжало быть обычным днём.

— Ты имеешь право ревновать, — сказала я тише. — Если это то, что происходит. Но решать из-за этого за меня — нет.

Арсений положил ручку.

— Да. Это происходит.

Я не ожидала, что он ответит так прямо. В груди стало тесно, и злость на секунду потеряла удобную форму.

— Мне от этого не обязательно должно стать приятно, — сказала я.

— Знаю. Я не для этого.

Он провёл ладонью по затылку, потом посмотрел на меня уже без попытки защитить свою позицию.

— Прости. Надо было дожидаться, пока ты сама позовёшь. Если вообще позовёшь.

Я кивнула. Не хотелось ни награждать за правильную фразу, ни продолжать ссору ради того, чтобы убедиться, что он действительно понял.

— Предложение у него нормальное, — сказала я. — Не значит, что я приму. Но мне нужно понимать варианты.

— Можешь показать цифры, когда сочтёшь нужным?

— Да. После ужина. Я хочу сама сначала прочитать.

— Хорошо.

Арсений снова взял план. На этот раз ручка действительно задвигалась по бумаге. Я постояла рядом ещё немного и пошла к лестнице.

— Ника.

Я обернулась.

— Ты хорошо провела встречу.

Мне хотелось отмахнуться. Вместо этого я сказала спасибо.

* * *

После ужина мы сели в пустом холле. Я показала ему письмо Павла и свои заметки. Арсений задал вопросы про сотрудников и сроки передачи, потом молча посчитал что-то на калькуляторе. Мне понравилось, что он не пытался доказать ничтожность суммы лишь потому, что её предложил другой мужчина.

— Это даёт тебе возможность уехать без долгов, — сказал он.

— Да.

Он долго смотрел на цифры.

— А тебе? — спросила я.

— И мне.

Я забрала телефон со стола. Теперь мы оба знали, что речь не только об упрямстве. Про-
дажа могла быть разумной. Оттого желание остаться приобретало неприятную конкретность:
за него придётся отвечать.

— Давай договоримся, — сказала я. — Если к нам приходят с предложениями, мы не
обещаем за двоих. Если кому-то страшно или неприятно, говорим это отдельно. Не ставим
второго перед готовым ответом.

— Договорились.

— И не называем это защитой.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем было нужно для согласия.

— Хорошо.

Мне захотелось приблизиться. Не обнять, не поцеловать. Просто сесть так, чтобы наши
плечи соприкоснулись. От этого желания я рассердилась меньше, чем ожидала.

Я оставила между нами одну подушку и спросила, что он заметил в предложении Павла.

Мы проговорили ещё полчаса. Потом я ушла к себе, забрав бумаги. Арсений не пошёл
следом и не позвал меня обратно.

Уже у двери я поняла, что именно это запомню лучше всего.

Глава 10. На расстоянии вдоха

Арсений

К вечеру вода перестала помещаться в водосток.

Я стоял под навесом, глядя, как толстая струя переливается через край желоба. Дождь шёл с обеда, а последние двадцать минут словно пытался наверстать всё лето. Двор превратился в мутное зеркало. В нём отражалась вывеска отеля, разбитая волнами от каждой новой капли.

— До угла не дойдём сухими, — сказал Тимур.

— Уже поздно переживать за сухость.

Он посмотрел на мою футболку. С неё стекала вода.

— Я за телефон. Он единственный из нас ещё способен позвать электрика.

Электрик был в пути. После того как в коридоре дважды моргнул свет, мы отключили проблемную группу, а потом, когда пришло сообщение об аварии на линии, питание пропало и в остальном здании. В аварийных светильниках горели узкие зелёные полосы. Отель без привычного гула холодильника и инструментов казался слишком большим.

Гостей не было. Это единственная хорошая вещь, которую я мог сказать о случившемся. Четыре сотрудника, мы с Никой, Ася и Илья. Брат вернулся утром: сдал свою работу в городе, забрал вещи и договорился, что следующую неделю сможет работать отсюда. Я успел предложить ему уехать до дождя, он успел назвать меня занудой. Теперь каждый знал, где находится другой; Марина проверила комнаты, хотя мы и так могли пересчитать людей по пальцам.

Ника вышла под навес с фонариком и прозрачной папкой.

— С электриком связались. Он застрял у затопленного поворота, поедет через верхнюю дорогу.

— Сколько?

— Около сорока минут. Я сказала, что не нужно гнать.

Она посмотрела на струю воды у стены.

— Это опасно?

— Для штукатурки — уже. Для нас пока нет, если не полезем наверх в дождь. Отвели от двери, проверим, не идёт ли в подвал. Тимур, возьми второго человека, я сейчас подойду.

— Уже взял, — сказал Тимур. — У меня теперь брат архитектора на общественных началах.

Илья из холла возмутился, что его никто не спросил, но через минуту вышел в чужом дождевике. Ника отдала ему один из фонариков.

— Не геройствуйте, — сказала она. — Ася уже делает чай. Ей будет обидно, если ради такого напитка никто не выживет.

— Мы постараемся уважить, — ответил Илья.

Я задержал взгляд на Нике. Она не улыбалась. Следила за тем, как вода течёт мимо крыльца, как Тимур проверяет крепление временного отвода. Не паниковала, но и не делала вид, будто всё прекрасно.

— Нужно что-то ещё? — спросила она.

— Подними с пола в кабинете коробки с бумагами. На всякий случай. Помочь?

— Справлюсь. Ты займись водой.

Она ушла, свет фонарика качнулся на её запястье. Я поймал себя на том, что провожаю его взглядом, и заставил себя вернуться к водостоку.

* * *

Через полчаса выяснилось, что старый желоб держал не столько воду, сколько многолетний слой листьев. Мы не стали разбирать его с лестницы под дождём. Тимур закрепил временный отвод, Илья прочистил доступный участок снизу, я проверил, куда теперь идёт поток. К подвалу вода не приближалась. Хуже обстояло с одеждой.

Когда я вошёл в холл, на плитке за мной тянулась мокрая дорожка. Ася появилась с полотенцами и велела всем троим не двигаться, пока мы не обретём человеческий вид.

— Вообще-то я всегда так выгляжу, — сказал Илья.

— Тяжело тебе, — ответила она и сунула ему полотенце в лицо.

Ники в холле не было. Марина сказала, что она наверху. Я поднялся за сухой футболкой, по дороге проверяя окна. В старых рамах кое-где затекала вода, и подоконники были застелены ветошью.

На втором этаже свет фонарика лежал прямо на полу. Дверь бельевой стояла открытой. Изнутри донеслось короткое сердитое дыхание.

— Ника?

— Если это ты, не смей смеяться.

Я остановился на пороге.

Она стояла между стеллажом и тележкой, прижимая к себе огромную стопку простыней. Верхняя полка перекосилась, и теперь весь её запас постепенно пытался переехать Нике на голову.

— Не смеюсь.

— По голосу слышно, что собираешься.

Я шагнул внутрь, подхватил стопку и положил на свободную тележку. Ника освободила руки, сдула с лица прядь и прислонилась спиной к стеллажу.

— Хотела убрать нижнее бельё повыше. Здесь под окном вода.

— Полка слетела с держателя.

— Да, мы успели познакомиться.

Я поставил её на место, проверил опору и снял с верхнего ряда тяжёлую упаковку, чтобы пока не нагружать. Ника светила мне снизу. Когда я потянулся за последней простыней, она оказалась совсем близко. Мокрый рукав коснулся её плеча.

— Холодный, — сказала она.

— Как выяснилось, вода снаружи тоже мокрая.

Ника улыбнулась. Фонарик в её руке дрогнул, луч прошёл по моему лицу.

— У тебя губы синие.

— Это освещение.

— Конечно.

Она положила фонарик на стеллаж и взяла полотенце из открытой упаковки. Протянула мне, потом передумала, подняла к моей голове и остановилась.

— Можно?

Я кивнул.

Ника промокнула мне волосы. Неловко, без той осторожной театральности, с которой в кино заботятся о раненых мужчинах. Полотенце зацепилось за край уха, она тихо сказала «извини» и засмеялась. Я держал руками снятую полку и не мог помочь ни ей, ни себе.

До двери оставалось два шага. За стеной шумел дождь. Внизу Ася наверняка уже спорила с Ильёй о том, кому достанется последний бутерброд. Всё было рядом, обычно, доступно. И всё-таки воздух между нами стал таким плотным, что я перестал замечать остальное.

Ника опустила полотенце мне на плечи. Её ладонь случайно легла на грудь, там, где мокрая ткань липла к коже.

Она почувствовала, как бьётся сердце. Я понял это по тому, как изменилось её лицо.

— Арсений, — сказала она.

Я осторожно поставил полку на пол.

— Да?

Ника не убрала руку сразу. Подняла голову. От неё пахло чистым бельём, дождём и чем-то тёплым, знакомым не столько памяти, сколько телу. Я мог бы наклониться. Она могла бы отвернуться. Вместо этого мы оба задержались в той секунде, когда ещё ничего не случилось, но оба уже знали, что могло.

Я поднял ладонь к её щеке и остановил в воздухе.

— Можно?

Она посмотрела мне на рот. Потом закрыла глаза, будто от этого станет легче выбрать.

— Подожди.

Я опустил руку.

Ника открыла глаза. В них не было отвращения или страха передо мной. Было слишком много всего сразу, и от этого отказ прозвучал почти тише желания.

— Я не могу сейчас, — сказала она.

— Хорошо.

— Не говори так, будто всё просто.

Я сглотнул. Горло было сухим, хотя с волос до сих пор текла вода.

— Ничего простого здесь нет. Но остановиться можно.

Она убрала ладонь с моей груди. На ткани осталось тёплое место, которое я продолжал чувствовать.

Я взял второе полотенце и протянул ей.

— У тебя рукав мокрый.

Ника посмотрела на плечо, словно не знала, что у неё есть рубашка. Кивнула.

— Спасибо.

Я вышел в коридор. Не хлопнул дверью, не задержался рядом, не стал ждать объяснения, которое она уже дала. Дошёл до своего номера, закрылся и снял футболку.

Руки заметно дрожали. От холода тоже.

* * *

Электрик приехал, когда мы собрались на кухне. Ника сидела с другого края стола, в сухом свитере, держа кружку обеими руками. Я сел рядом с Ильёй. Между нами с ней оказалось пять человек, блюдо с хлебом и достаточно обычных забот, чтобы никто не заметил, как тщательно мы не смотрим друг на друга.

Специалист проверил щит, прошёл по согласованным участкам, объяснил, что авария внешняя, а одно старое соединение у нас всё равно нужно заменить. Я записал. Не стал сам лезть туда, где моего архитектурного диплома было недостаточно.

Илья съел три бутерброда и выразил готовность пережить ещё одно отключение, если Ася будет кормить так же.

— В следующий раз ты готовишь, — ответила она.

— Тогда это уже не авария, а преступление.

Ника засмеялась. Я поднял глаза раньше, чем успел себя остановить. Она заметила, и смех медленно сошёл с её лица, оставив мягкую растерянность. Я взял чашку.

Позже, когда свет вернулся, все разошлись проверять свою часть здания. Я прошёл по коридору второго этажа. Дверь бельевой была закрыта. Возле неё на стуле лежало моё полотенце, аккуратно сложенное, хотя я не просил его возвращать.

Сверху — маленькая записка на обороте списка белья.

«Спасибо, что услышал».

Я стоял над ней, пока в конце коридора не открылась дверь двенадцатого номера. Ника вышла с пустым стаканом, увидела меня и остановилась.

— Не обязательно было писать, — сказал я.

— Мне хотелось.

Я сложил записку пополам.

— Тогда оставляю.

Она кивнула. Свет после темноты казался резким. Я видел, как она устала, как тербит край рукава, как ей тоже трудно придумать обычную фразу.

— У вас там всё сухо? — спросил я.

— Да. Подоконник вытерла. Бумаги убрала.

— Если начнёт снова течь, разбуди меня.

Ника чуть подняла бровь.

— Ты сейчас про окно?

Я усмехнулся.

— Сейчас да.

Она впервые за вечер посмотрела на меня без попытки немедленно отвести взгляд.

— Хорошо.

Мы постояли рядом ещё немного. Затем Ника пошла за водой, а я вернулся в свой номер. Положил записку в блокнот, где между размерами дверных проёмов и телефоном электрика она выглядела совершенно неуместно.

Я хотел её поцеловать. Хотел так сильно, что от одной мысли сжимались руки. И одновременно боялся того, что она согласится раньше, чем я найду в себе смелость сказать всё остальное.

Телефон засветился на столе. Илья прислал фотографию мокрых следов в холле и подпись: «Морское чудовище. Архитектурный подвид».

Я ответил, что завтра он сам будет мыть пол.

Потом выключил экран, лёг поверх одеяла и долго слушал, как дождь постепенно становится тише.

Глава 11. Встань ближе

Ника

С утра я три раза прошла мимо бельевой, хотя всё нужное лежало в другой стороне.

На третий Ася высунулась из кухни и спросила, не заблудилась ли я в собственном отеле. Я сказала, что проверяю подоконники после дождя. Она посмотрела на ясное небо в окне, потом на меня и проявила редкое милосердие: ничего не ответила.

В двенадцатом номере высох мой мокрый свитер. Я сложила его на стуле, провела ладонью по рукаву и вспомнила ткань футболки Арсения под пальцами. Как быстро билось у него сердце. Как он остановился, хотя я сама сначала потянулась ближе.

Мне было стыдно не за то, что я передумала. За то, что я пыталась вынести из случившегося аккуратный вывод, будто в конце дня обязана сдать самой себе отчёт: хочу я его или не хочу, простила или нет, осталось ли между нами что-нибудь настоящее. Тело отвечало на один вопрос, память на другой, а я зачем-то требовала, чтобы они дали одинаковый ответ.

Я взяла камеру и пошла работать.

В холле Арсений менял временную табличку возле лестницы. Увидев меня, отступил, чтобы не мешать пройти.

— Доброе утро.

— Доброе.

Он посмотрел на камеру.

— Опять кровати?

— Сегодня люди.

Арсений замер с отвёрткой в руке.

— Кто-нибудь знает, что ты планируешь с ними сделать?

— Именно поэтому я сначала здороваюсь.

Он улыбнулся. Неловкость не исчезла, но стало проще дышать.

Мне требовалось несколько кадров о том, как отель готовится к открытию. Не постановочная радость с кистями и ведром, а работа, в которой виден человек. Марина согласилась при условии, что я не буду снимать её снизу. Тимур спросил, можно ли сначала убрать мусор. Илья предложил за дополнительную плату сыграть довольного постояльца, которого пока нельзя поселить ни в один номер.

Арсений сказал, что ему достаточно одного кадра спиной.

— Ты же не шкаф, — ответила я.

— У шкафа меньше поводов жалеть о фотографии.

Я показала ему место у большого окна в ресторане. Здесь было видно двор, разобранную дорожку и рабочий стол с планами. Никаких декоративных касок и синих чертежей, которые люди в кадре никогда не открывают.

— Встань как обычно, — попросила я.

Он встал так неестественно, что Тимур, проходя мимо, тихо свистнул.

— Красиво. Сразу видно: человек добровольно.

— Работа ждёт, — сказал Арсений.

— Работа подождёт. Такое не каждый день показывают.

Я засмеялась. Арсений посмотрел на меня, и вот тогда лицо у него стало своим. Усталым, чуть раздражённым, с улыбкой, которую он не успел убрать. Я сделала кадр.

— Всё?

— Если тебе нужен один хороший снимок. Если надо десять неудачных, можем продолжить.

Он обошёл стол и встал рядом, чтобы посмотреть экран. Между нами осталось совсем мало места. Я почувствовала тёплую кожу его предплечья раньше, чем увидела, что мы соприкоснулись.

На снимке Арсений смотрел не в объектив, а чуть правее, на меня.

Я перелистнула слишком быстро.

— Верни, — попросил он.

— Там резкость не идеальная.

— Ника.

Я вернула кадр. Мы оба молча смотрели на него. Не было ничего неприличного в выражении его лица. Но я знала, что не смогу поставить эту фотографию на страницу отеля.

— Это оставлю себе, — сказала я прежде, чем успела решить.

Арсений поднял голову.

— Хорошо.

Я почувствовала, как потеплели уши.

— Для архива. Он технически не подходит.

— Конечно.

От его спокойствия захотелось ударить его полотенцем, как Асю на пляже. Вместо этого я попросила отойти на шаг и сняла ещё раз.

* * *

Лида позвонила во время обеда. Я увидела имя на экране и сразу вспомнила маленький ресторан у устья речки, белые стулья на веранде, приглашение, на которое ответила неопределённым «если буду в городе».

— Ты уже в городе, — сказала Лида вместо приветствия.

— Марина?

— Моя мама. Твоя Марина. Ветрово не нуждается в средствах связи.

Я присела на ступеньку кухонного крыльца.

— Лид, я помню. Просто здесь всё...

— Да, я знаю. У тебя отель, наследство и возвращение. У меня завтра свадьба с Денисом. И если кто-то ещё спросит, почему во вторник, я укушу. Потому что ресторан дешевле, фотограф свободен и мы взрослые люди, которые не обязаны ждать субботу.

Я засмеялась.

— Ты это уже всем отвечала?

— Только тебе. Остальные получают короткую версию с вкусом.

Мы учились вместе, потом виделись редко. Лида умела сохранять близость без постоянной переписки: могла объявиться через полгода и сразу спросить, что случилось на самом деле, не тратя вечер на извинения за молчание. Я любила это в ней и немного завидовала.

— Я приду, — сказала я.

На том конце стало тихо.

— Правда?

— Правда. Только не проси меня снимать.

— Боже упаси. Я заплатила человеку, который обязан терпеть меня весь день. Ты будешь есть, танцевать и говорить, что я красивая.

— Это я могу и по телефону.

— Но тогда кто посмотрит, как моя тётя Зина пытается познакомить всех незамужних с сыном своего стоматолога?

Я пообещала прийти вовремя. Лида сказала, что будет рада, и мы закончили разговор на том неловком, тёплом месте, где люди понимают, что рады друг другу сильнее, чем ожидали.

На крыльцо вышел Илья с тарелкой.

— Куда собираешься?

— На свадьбу. К Лиде Самойловой.

— А, к Денису.

Я подняла брови.

— Все всех знают?

— Сенья с ним когда-то на стройке работал. Точнее, Денис продавал ему то, что на стройке постоянно заканчивалось. Они приглашали.

Я посмотрела через двор. Арсений разговаривал с Тимуром возле машины, держа телефон у уха.

— Он пойдёт?

Илья пожал плечами.

— У него спроси.

Его тон был совершенно невинным. От этого особенно раздражал.

* * *

К вечеру я поняла, что в моём чемодане нет ни одной вещи, которая одновременно подходила бы для свадьбы и не выглядела попыткой доказать что-нибудь мужчине.

Ася села на кровать и велела показать всё.

Я вынула чёрное платье, льняной костюм и зелёное платье на тонких бретелях. Последнее купила для съёмки в приморском ресторане год назад и так ни разу не надела вне работы. Оно лежало в чемодане случайно: я бросила его в последний момент, ещё не решив, зачем.

— Вот это, — сказала Ася.

— У него спина открытая.

— Я заметила. Удивительная конструкторская мысль.

— Лида будет в белом.

— А ты в зелёном. Конфликтов не вижу.

Я надела платье поверх белья, повернулась к зеркалу. Ткань легла по талии, открыла плечи, которых я будто не замечала всю неделю. Ася убрала мне волосы с шеи.

— Ну?

Я смотрела на отражение и чувствовала привычный соблазн оценить себя профессионально: линия плеч, мягкий боковой свет, какой ракурс будет удачнее. Подруга щёлкнула пальцами возле моего лица.

— Ты не объект. Можно просто нравиться себе.

Я повернулась. Платье двигалось вместе со мной, лёгкое, непривычное после рабочих брюк.

— Мне нравится, — призналась я.

— Тогда решено.

Когда Ася ушла, я некоторое время стояла перед открытым шкафом. Потом повесила платье на дверь, достала туфли и написала Лиде, что приду одна. Мне было важно увидеть это слово на экране раньше, чем узнать, собирается ли Арсений.

Внизу он сидел на ступеньках с Ильёй. Брат показывал ему что-то на телефоне, оба смеялись. Я остановилась рядом и вдруг почувствовала себя той двадцатилетней девчонкой, которая когда-то ждала, заметят ли её.

Это чувство мне не понравилось.

— Ты завтра идёшь к Денису и Лиде? — спросила я.

Арсений поднял голову.

— Думал отказаться. Работы много.

— Лида обидится. У неё уже готов укус.

Илья подтвердил, что слышал угрозу лично. Арсений посмотрел на нас обоих.

— А ты идёшь?

— Да. Я ей обещала.

— Тогда, наверное, тоже пойду. Только сначала закончу со Степаном.

Он не предложил забрать меня, не назвал нас парой, не превратил одно приглашение в другое. Я ожидала облегчения, но почему-то ощутила и маленькое разочарование.

— Увидимся там, — сказала я.

— Увидимся.

Когда я пошла к двери, Арсений позвал меня.

— Кадр выбрала?

Я сразу поняла, о каком он спрашивает, и от этого стало ещё жарче.

— Для страницы — да.

— А для технически неидеального архива?

— У него отдельная папка.

Илья перевёл взгляд с меня на брата и вдруг очень заинтересовался телефоном. Арсений улыбнулся. Я ушла прежде, чем он успел сказать что-нибудь ещё.

В номере я открыла фотографии. Рабочий портрет действительно был хорошим: спокойный архитектор у стола, достаточно пространства для подписи, открытый двор за спиной. Я отправила его Марине.

Потом вернулась к первому кадру. К тому, где Арсений смотрел на меня.

Я не стала увеличивать его, рассматривать глаза и искать доказательства. Просто закрыла экран, положила камеру рядом с зелёным платьем и впервые за эти дни позволила себе с удовольствием ждать завтрашнего вечера.

Глава 12. Один танец

Арсений

Я увидел Нику раньше, чем вошёл в ресторан, и минуту простоял на дорожке, делая вид, будто заканчиваю разговор по телефону.

Телефон уже давно был выключен.

Она стояла на веранде рядом с Лидой. Зелёное платье, открытые плечи, волосы собраны так, что несколько прядей оставались у шеи. Ника слушала, чуть запрокинув голову, потом рассмеялась и обняла невесту. В этом движении не было ничего для меня. Оттого желание, которое ударило под рёбра, оказалось особенно сильным.

Я слишком привык видеть её с камерой, в рубашке, с волосами, заколотыми первым попавшимся предметом. Удобно было считать, что она существует в одном со мной рабочем дне и наши паузы между делами принадлежат только нам. Теперь я стоял перед рестораном и понимал, насколько это неверно.

Денис заметил меня и помахал рукой.

— Ветров! Если ты приехал обследовать веранду, иди сначала поешь.

Я убрал телефон, подошёл и обнял его. Мы не виделись больше года. Денис отрастил короткую бороду и выглядел так, будто одновременно хотел смеяться и проверять, всё ли идёт по плану.

— Проводка нормальная? — спросил он.

Я на секунду задержал дыхание. Денис говорил о ресторане, без всякого заднего смысла.

— Я сегодня гость.

— Вот и отлично. Нам как раз одного не хватало.

Лида взяла меня под руку, показала стол и сразу исчезла к родственникам. Ника осталась рядом. Я посмотрел на неё, стараясь не опускать глаз слишком явно.

— Привет.

— Привет. Ты всё-таки нашёл рубашку.

— Взял напрокат у взрослого человека.

Она улыбнулась и поправила собственный браслет.

— Тебе идёт.

Двух слов хватило, чтобы я забыл всё, что собирался ответить. Ника заметила, но не стала помогать. Повернулась к подошедшей женщине, которую представили тётей Зиной, и с совершенно серьёзным видом выслушала рассказ о прекрасном молодом стоматологе.

Я взял со стола воду. Сегодня не собирался пить. Мне хотелось помнить вечер целиком, и ещё сильнее хотелось не получить удобное объяснение любому своему неверному движению.

* * *

Ника сидела через два места от меня. Рядом с ней оказался Михаил — знакомый Дениса, работавший в туристической фирме. Он умел слушать, задавал вопросы о её фотографиях и ни разу не спросил, можно ли снять дешевле, потому что «вам же тоже реклама».

Мне пришлось признать, что человек совершенно ни в чём не виноват.

Это не помогло.

Михаил наклонялся к Нике, чтобы расслышать поверх музыки, и она поворачивалась к нему так, как поворачиваются, когда разговор интересен. Я занимался салатом, отвечал соседу

на вопросы о переезде и чувствовал, как нелепая злость разрастается от собственной бесполезности.

— Ты с нами? — спросил Денис, проходя мимо.

— Вполне.

— Вид у тебя такой, будто счёт за банкет сейчас тебе принесут.

Я засмеялся и отодвинул тарелку.

— Всё хорошо.

Он посмотрел туда, куда я так старательно не смотрел, потом снова на меня. Ничего не сказал. Только хлопнул по плечу и ушёл к Лиде.

Позже начались танцы. Сначала родители, потом друзья, потом люди, которые до этого убеждали всех, что не умеют и не собираются. Ника танцевала с Лидой, с ещё одной одноклассницей, потом Михаил протянул ей руку, и она согласилась.

Я вышел на веранду.

Здесь было прохладнее. Под оградой шумела узкая речка, у самого впадения в море белела пена. Ресторан назывался «Устье» и обладал редким достоинством полностью соответствовать имени. Я упёрся ладонями в перила, посмотрел на воду и попытался перестать быть человеком, который считает чужое внимание утратой собственной вещи.

Телефон завибрировал. Илья прислал фотографию ужина в отеле: на тарелке лежало что-то настолько красивое, что я не сразу узнал картошку. Подпись: «Не торопись. Твою порцию я уже спас от одиночества».

Я ответил, что вернусь и проверю.

— Ты совсем не танцуешь? — спросила Ника за спиной.

Я обернулся.

Она вышла без накидки. Плечи были покрыты мелкими мурашками. Солнечный свет уже ушёл, и зелёная ткань казалась темнее.

— Пока нет.

— Ты так говоришь, будто это часть расписания.

Я усмехнулся.

— Считаешь, надо исправить?

— Считаю, можно попробовать.

Из зала донеслась медленная музыка. Я узнал первые такты и тут же разозлился на память: она подсовывала точные мелочи с такой готовностью, будто не пропускала ничего важного восемь лет назад.

— Потанцуешь со мной? — спросил я.

Ника посмотрела прямо в глаза.

— Да.

Мы вернулись в зал. Я положил ладонь ей на талию и подождал, пока она сама выберет расстояние. Ника подошла ближе, чем я рассчитывал. Её пальцы легли мне на плечо. Ткань платья под моей ладонью была тонкой, тёплой.

Первые шаги получились неловкими. Мы оба помнили друг друга лучше, чем умели сейчас двигаться рядом. Ника посмотрела вниз.

— Ты собираешься беречь мои ноги или просто носишь эти ботинки для угрозы?

— Я сосредоточен.

— Это меня и пугает.

Я засмеялся, и что-то отпустило. Мы перестали пытаться делать красиво. Она двигалась чуть быстрее музыки, я подстраивался; на повороте её платье коснулось моего колена, а ладонь на плече сжалась.

Я хотел, чтобы песня не кончалась. Желание было простым, почти подростковым. Я не собирался признаваться в нём вслух, но Ника, кажется, и так поняла.

— Не смотри так, — сказала она тихо.

— Как?

Она не ответила. Только опустила взгляд к расстёгнутому вороту моей рубашки и снова подняла его. Между нами было достаточно места, чтобы отступить, и слишком мало, чтобы притвориться равнодушными.

Когда музыка сменилась, я убрал руку с её талии первым. Не потому, что хотел. Ника провела пальцами по моему плечу, прежде чем отпустить.

— Спасибо, — сказала она.

— Тебе.

Михаил позвал её к столу. Я почувствовал знакомый укол и позволил ему остаться только чувством. Ника пошла за водой, а я помог Денису вынести на веранду стулья для старших родственников.

* * *

Мы уходили почти одновременно, но не вместе. Ника заказала машину к воротам. Я собирался пройти часть пути пешком и потом вызвать другую. На выходе Лида крепко обняла её и сказала что-то на ухо. Ника засмеялась, потом покачала головой.

Мне не было положено знать, что именно.

За воротами стало тихо. Музыка осталась в здании, на улице слышались только редкие машины. Ника накинула тонкую рубашку поверх платья и проверила телефон.

— Семь минут, — сказала она.

— Подожду с тобой?

Она кивнула.

Мы встали под старой липой. В фонаре возле ворот кружились насекомые. Я смотрел, как Ника растирает ладони, и не знал, предложить ли ей свою рубашку. Она заметила.

— Не нужно раздеваться. У меня просто руки холодные.

— Я пока ничего не предложил.

— У тебя перед благородным поступком лицо становится очень серьёзное.

Я улыбнулся, но она уже смотрела куда-то мимо меня. В сторону дороги к старому пирсу.

— Ты помнишь, что обещал мне здесь? — спросила Ника.

Я не стал делать вид, что вопрос неожиданный.

— Помню.

— Не только уехать вместе. До этого. Ты говорил, что, если захочешь уйти, скажешь мне в лицо.

За воротами кто-то засмеялся. Ударил басовая нота, затем музыка снова стала глухой.

— Помню, — повторил я.

Она повернулась ко мне.

— Я долго думала, что с тобой что-то случилось. Даже после сообщения. Считала, что ты не мог так написать сам. У тебя телефон украли, кто-то заставил, ещё какая-нибудь прекрасная причина, при которой я оставалась бы человеком, которого ты не захотел бросить таким способом.

Я почувствовал, как сжались зубы. Не от возмущения. От желания остановить рассказ там, где мне уже хватало боли. Она имела право продолжить.

— Потом увидела твою фотографию с открытия какого-то проекта. Ты стоял рядом с людьми, улыбался. На тебе был мой шарф.

Я вспомнил фотографию. Плохой снимок на чужой телефон. Красный шарф, который она сунула мне в сумку той весной. Я носил его, думая, что сохраняю что-то от нас, и ни разу не задумался, как это будет выглядеть для неё.

— Мне жаль, — сказал я.

Ника закрыла глаза на секунду.

— Я не для того, чтобы ты сказал это ещё раз.

— Знаю.

— Сегодня, когда мы танцевали, мне было хорошо. И я злюсь, что рядом с тобой до сих пор может быть хорошо.

Я стоял неподвижно. Хотел коснуться её руки, но не знал, было бы это сейчас помощью ей или просьбой помочь мне.

— Ты не обязана выбирать только одно, — сказал я.

Ника усмехнулась без улыбки.

— Спасибо за разрешение.

Я опустил голову.

— Плохо сказал.

— Да.

Мы помолчали. Машина появилась на повороте. Ника проверила номер, затем посмотрела на меня.

— Я не хочу сейчас ссориться. Просто хотела, чтобы ты это знал.

— Спасибо, что сказала.

Водитель остановился возле ворот. Я открыл дверь и отступил. Ника села, назвала отель, а потом придержала дверь ладонью.

— Ты пешком?

— Немного пройдуся.

— Не заблудись.

— Постараюсь.

Она посмотрела на меня ещё секунду, потом закрыла дверь.

Я шёл по набережной, держа руки в карманах. В памяти оставалась её талия под ладонью и фраза про шарф. Одно не отменяло другого. Не потому, что мир устроен сложно, а потому, что я сделал конкретную вещь конкретному человеку и теперь стоял рядом с последствиями, которые не мог устранить хорошим вечером.

У пирса я остановился. Восемь лет назад сюда должна была прийти девушка с сумкой, которую я сам обещал донести. Я не знал, что она взяла тогда с собой. Не спросил даже сейчас.

Когда вернулся в отель, в двенадцатом номере ещё горел свет. Я прошёл мимо, не постукав. В своём номере снял рубашку, повесил её на спинку стула и достал из бумажной папки старый конверт без марки.

Держал его в руках недолго. Затем положил обратно. Нике требовался не текст, который я когда-то написал в одиночестве. Требовалось, чтобы я наконец ответил на её вопросы вслух.

Глава 13. Свои причины

Ника

На следующий день у меня болели ноги и место под рёбрами, которое не имело отношения к танцам.

Платье висело на дверце шкафа. В обычном утреннем свете оно казалось просто платьем: тонкая ткань, немного помятый подол, один оттянувшийся шов на бретели. Я провела по нему рукой и подумала, что вчерашний вечер почему-то не хотел становиться прошлым. Стоило закрыть глаза — и я снова чувствовала ладонь Арсения на талии.

Потом вспоминала, что сказала ему у ворот, и всё становилось сложнее.

Я не жалела. За восемь лет у меня накопилось слишком много вопросов, которые я вела в голове с человеком, не имевшим возможности ответить. Теперь он был рядом, и требовать от себя только приятных разговоров было бы странно. Но откровенность оказалась не той чистой водой, после которой всё сразу видно. Скорее работой: что-то отскребаешь, а под ним обнаруживается ещё один слой.

Внизу Ася уже злилась на тесто.

— Оно чувствует страх, — сказала я, останавливаясь в дверях.

— Оно чувствует муку, которую кто-то неправильно хранил.

На столе стояла большая миска. Подруга вымыла руки, смахнула волос со лба предплечьем и посмотрела на меня.

— Ты живая?

— Вроде.

— Тогда надевай фартук. Будешь раскатывать.

— Я фотограф.

— А я человек, который кормит фотографа. У нас прекрасная основа для переговоров.

Она подвинула мне кусок теста и скалку. Я сняла часы, закатала рукава и через три минуты поняла, что провести ровный горизонт в кадре гораздо проще, чем получить круг без острых углов.

Ася наблюдала с профессиональной печалью.

— У тебя получилась карта неизвестного государства.

— Зато с выходом к морю.

Она засмеялась и показала, как поворачивать пласт, не придавливая всё время одну сторону. Я попробовала снова. На этот раз стало лучше.

Разговор о свадьбе начался не сразу. Сначала мы обсудили поставку, новые цены на сливочное масло и то, почему в гостиничной кухне сохранилось восемь одинаковых открывалок, но ни одной нормальной тёрки. Потом Ася спросила, как Лида. Я рассказала про платье, тётю Зину, счастливого Дениса. Про танец сказала только, что Арсений был.

Подруга не подняла бровь. Не подала знак, что знает всё лучше меня. Продолжала резать начинку.

— Хорошо было? — спросила она.

— Местами очень.

— А потом?

Я смахнула муку со стола.

— Сказала ему то, что давно хотела. Про то, как ждала. Что не поверила сообщению. Что увидела фотографию потом.

Ася остановила нож.

— Он спорил?

— Нет.

— Уже кое-что.

— Я не хочу отмечать каждый раз, когда он ведёт себя нормально.

Она кивнула.

— Тогда не отмечай. Это не школьная таблица с наклейками.

Я засмеялась, хотя на глаза неожиданно навернулись слёзы. Смешное и болезненное в последние дни всё время оказывалось рядом.

* * *

После обеда мы пошли закупать посуду для пробного меню. До магазина можно было доехать, но Ася сказала, что ей требуется двадцать минут без кухни. Мы пошли по теневой стороне улицы, останавливаясь у лотков с фруктами.

В маленьком хозяйственном магазине подруга выбирала тарелки с такой сосредоточенностью, с какой я проверяла оттенки стен. Поставила рядом белую и кремовую, попросила меня поддержать их у окна.

— Белая лучше для твоего соуса, — сказала я.

— Кремовая дешевле.

— Тогда белую берём на съёмку, кремовые в зал. Но на фотографии показываем обе.

Она повернулась ко мне.

— Теперь я понимаю, зачем мне подруга-фотограф.

Мы взяли немного, для проб и согласования, а не комплект на весь отель. На выходе у Аси зазвонил телефон. Она посмотрела на имя, перевернула экраном вниз и убрала в сумку.

Я узнала это движение. Слишком быстрое, слишком тщательно обычное.

— Саша? — спросила я.

Она кивнула.

О её расставании я знала мало. Они прожили вместе четыре года, последние полтора почти не виделись из-за работы. Я была уверена, что дело именно в расписании, пока однажды Ася не прислала мне фотографию пустой половины шкафа с подписью: «Теперь хотя бы курткам просторно». Я позвонила сразу. Она сказала, что говорить пока не хочет. Я решила, что потом она расскажет сама, и мы обе слишком долго поддерживали это удобное предположение.

— Он хочет встретиться, — сказала Ася.

Мы отошли под навес закрытого кафе. Дождя не было, но здесь было тихо.

— А ты?

Она пожала плечом.

— Я хочу, чтобы он перестал писать так, будто мы случайно не договорились о выходных. Мы полгода разговаривали. На нормальном человеческом языке. Я устала объяснять, что не хочу быть человеком, который ждёт, когда он закончит жить, чтобы пожить со мной.

Я поставила пакет с тарелками на скамейку.

— Ты мне не говорила.

— Ты тоже была занята. С Павлом, с работой. Потом отец у тебя... — Она остановилась. — Я не в упрёк. Просто я сама не хотела разбирать это вслух. Стоило начать, и я сразу чувствовала себя нытиком. У нас же не было никакой красивой катастрофы. Не изменял, не бил, деньги приносил. Просто рядом со мной всё время находился человек, которому хотелось в другое место.

— Это достаточно.

— Теперь знаю. Тогда казалось, нужно доказать, что мне плохо на уважительной основе.

Она усмехнулась, вытащила телефон и коротко набрала ответ. Показала мне, не спрашивая разрешения: «Встречаться не хочу. Если вопрос о вещах, напиши конкретно».

— Отправляй, — сказала я.

— Я уже.

Мы обе засмеялись.

Ася убрала телефон и прислонилась затылком к стене.

— Мне здесь нравится, — сказала она. — Хотя тут дохлый холодильник и нет тёрки. Я не только тебя спасать приехала. Мне хотелось сделать что-то своё. Пусть на сезон, пусть неидеально. На большой кухне я уже два года чужие фантазии воплощаю, а своих не слышу.

Я почувствовала, как что-то неприятно шевельнулось внутри. Я была благодарна ей и одновременно так занята собственной историей, что успела назначить подругу человеком, который приехал поддерживать меня.

— Давай ты покажешь мне меню, которое хочешь сама, — сказала я. — А не то, которое, по твоему мнению, одобрил бы папа.

Ася посмотрела на меня.

— Это будет короткое меню.

— Отлично. Я люблю, когда не надо фотографировать сорок одинаковых котлет.

Она подобрала пакет и обняла меня свободной рукой. Мы постояли под навесом, прижимая друг к другу тарелки, потом пошли обратно.

У поворота к отелю Ася остановилась.

— Сколько у нас до ужина?

— Смотря кого спросить.

— Того, кто его готовит. Меня. Часа два есть.

Она посмотрела вниз по улице, где между домами виднелась полоска моря.

— Пойдём туда. Я пока из местных достопримечательностей видела только твою вытяжку.

Мы свернули к берегу. Пакеты пришлось нести по очереди: после десяти минут тарелки стали гораздо тяжелее, чем в магазине. Я предложила оставить их в знакомом кафе, Ася сказала, что там потом пропадёт лучшая белая, и я больше не спорила.

У пляжной лестницы стояла кабинка с надписью «ФОТО НА ПАМЯТЬ». Я помнила её с детства. За стеклом и тогда показывали одну и ту же пару: мужчина обнимал женщину, женщина держала лилию. Теперь образец выцвел до цвета старого персика.

Ася пошла к кабинке.

— Даже не думай, — сказала я.

— Почему?

— У меня камера в отеле. Я могу тебя снять нормально.

— Ты меня нормально снимала в последний раз для резюме. Я там выгляжу как человек, который знает про санитарные нормы такое, чего вам лучше не слышать.

— Ты заставила убрать улыбку.

— Мне нужен был серьёзный вид.

Она поставила пакет под скамейку и приподняла плотную шторку. Внутри пахло нагретым пластиком. На стене висела инструкция с четырьмя рисунками счастливых людей.

— Здесь написано, помещаются двое.

— Здесь написано, двадцать секунд. Я даже присесть за это время не успею.

Ася схватила меня за руку.

Успела.

Мы втиснулись на маленькое сиденье. Я упёрлась коленями в стену, Ася — плечом в меня. Экран отразил двух женщин, которые явно пришли жаловаться на собственную фотографию, ещё не получив её.

— Сядь ровнее, — сказала я.

— Куда? У тебя половина страны в плечах.

— Это рубашка.

— Тогда пусть рубашка подвинется.

Я подняла руку поправить волосы, и аппарат сделал первый снимок.

На втором мы обе смотрели в сторону, потому что Ася пыталась понять, откуда раздаётся обратный отсчёт. На третьем я уже смеялась. На четвёртом подруга наклонилась и чмокнула меня в щёку с таким выражением, будто заплатила за эту услугу заранее.

Потом внутри что-то загудело. Мы выбрались наружу, расправляя одежду, и стали ждать у щели для выдачи.

— Профессиональное мнение? — спросила Ася.

— Свет преступный.

— Прекрасно. У меня как раз преступное лицо.

Полоска вышла тёплой. Мы взялись за неё одновременно, потом долго не могли договориться, кому достанется кадр с поцелуем. В конце концов Ася вернулась в кабинку и заказала второй экземпляр, прежде чем я успела объяснить, что могла просто переснять первый.

— Мне нужен настоящий, — сказала она.

Мы сели на скамейку рядом с пакетами. Я смотрела на крошечную себя. Глаза почти закрыты, волосы во все стороны, на щеке видна складка от улыбки. В нормальной работе я попросила бы переснять. Здесь ничего исправлять не хотелось.

— У тебя такие есть? — спросила Ася.

— Какие?

— Где ты сама. Не селфи на объекте, чтобы показать клиенту, что ты уже приехала.

Я полезла в телефон. В папке нашлись три фотографии обуви, удостоверение для пропуска на съёмку и снимок, на котором я случайно отразилась в чайнике. Ася начала смеяться ещё до того, как я закончила искать.

— Зато чайник хорошо получился, — сказала я.

Она положила голову мне на плечо.

— Ты вечно снимаешь, как люди живут. А тебя потом искать негде.

Я хотела ответить, что это обычная беда фотографа. Не сказала. На экране действительно было больше комнат, чем собственных лиц. Пустые хорошие комнаты, из которых я выходила сразу после работы. Мне вдруг стало досадно, что я могу подробно вспомнить оттенок стен в гостинице на другом конце страны и почти не помню, что ела там вечером.

— Будем исправлять? — спросила Ася.

Я подняла полоску.

— Уже начали.

* * *

До воды мы всё-таки дошли. Ася сняла сандалии, вручила мне сумку и пошла по мокрому песку с такой решимостью, будто собиралась предъявить морю условия поставки.

Я села на край настила. Она обернулась.

— Ты чего?

— Тарелки охраняю.

— Им ничего не будет.

— Ты двадцать минут назад не доверила их людям в кафе.

— Море пока не просило попробовать мой соус.

Я спрятала пакеты под настилом, сняла обувь и пошла к ней. Вода оказалась теплее, чем утром несколько дней назад. Ася зашла по колено, замерла и сообщила, что вполне достаточно познакомилась с местной природой.

— Я думала, ты сейчас поплывёшь.

— Я без купальника.

— Ты в шортах.

— Именно. Они мне нравятся сухими.

Мимо нас прошёл мальчик с ведром. Посмотрел на Асю, на меня, снова на Асю.

— Здесь не глубоко, — сказал он с вежливостью инструктора.

— Спасибо, — ответила подруга. — Мы изучаем береговую линию.

Мальчик кивнул и пошёл дальше. Мы дождались, пока он отойдёт, и расхохотались. Ася согнулась так, что намочила край шорт, выругалась на собственную предусмотрительность и брызнула в меня водой.

Я ответила. Очень умеренно. Она сочла иначе.

Через минуту мы обе стояли с мокрыми рукавами, и ни у одной не осталось убедительной причины вести себя достойно. Я смеялась, закрывая лицо, Ася пыталась отомстить и жаловалась, что у меня длиннее руки.

Вернулись на настил красные, солёные, совершенно непохожие на двух женщин, которые час назад серьёзно обсуждали условия личного счастья под навесом.

Я разложила на коленях фотополоски. Одну Ася убрала в сумку, вторую я спрятала между телефоном и чехлом. Не для того, чтобы потом опубликовать. Просто хотелось носить с собой доказательство, что этот день состоял не только из чужого танца и моих вопросов.

— Мне не надо будет сейчас спрашивать, всё ли у тебя хорошо? — спросила Ася.

— Нет. Можешь спросить, сохнут ли у меня штаны.

— Вопрос сложный. У тебя мокрая задница.

— Зато профессиональный глаз.

Мы забрали посуду и пошли наверх, останавливаясь в тени. У калитки отеля Тимур увидел наши пакеты, посмотрел на мокрые рубашки и очень осторожно спросил, где именно мы покупали тарелки.

— Сложный маршрут, — сказала Ася.

Он забрал у неё тяжёлый пакет. Не стал комментировать ни маршрут, ни то, как она придерживала влажную ткань у плеча. Подруга проводила его взглядом, потом заметила, что я смотрю, и немедленно спросила, собираюсь ли я помогать с ужином.

Собиралась. Но прежде поднялась к себе, переделалась и поставила фотополоску у зеркала. Уместилась она там хуже, чем в чехле. Я подвинула стакан с расчёсками и оставила.

* * *

Мама позвонила, когда я мыла посуду после пробного ужина.

— Ты можешь говорить, Вероника?

Я вытерла руки полотенцем. Полное имя означало, что она либо волнуется, либо приготовилась сообщить что-то, к чему сама ещё не привыкла.

— Могу. Что случилось?

— Ничего не случилось. Я взяла билет. Приеду через четыре дня.

Я села за кухонный стол.

— Серьёзно?

— Несерьёзно брать билет было бы дороже. Его потом пришлось бы сдавать.

Я улыбнулась. Мамины шутки всегда появлялись именно там, где ей самой хотелось спрятать уязвимость.

— Я тебя встречу.

— Встречай. Только я не хочу жить в отеле.

— Почему?

Она помолчала.

— Потому что хочу приезжать туда, когда сама решу. Нашла квартиру недалеко от рынка. На неделю пока. Потом посмотрим.

— Хорошо.

Мне хотелось сразу рассказать о краске, о светильниках, о заявке от Полины. Потом — об Арсении. Я не знала, какую часть мама готова услышать и какую мне самой не стыдно произнести.

— Он здесь, — сказала я наконец.

— Я знаю, Ника.

— Не только работает. То есть работает, конечно. Но мы разговариваем.

Из трубки донёсся тихий стук: мама, вероятно, поставила чашку на стол.

— Ты хочешь спросить, против ли я?

— Не знаю. Наверное, хотела, чтобы ты узнала от меня.

— Тогда спасибо, что сказала.

Я закрыла глаза. От простой фразы стало легче и одновременно грустно. Мне было двадцать восемь, а я всё ещё ждала, что кто-нибудь более взрослый решит, какие чувства мне разрешено испытывать рядом с человеком, причинившим нашей семье боль.

— Я не понимаю, что делаю, — призналась я.

— А тебе обязательно сейчас всё назвать?

— Мне было бы спокойнее.

— Иногда от названия ничего спокойнее не становится. Ты будешь знать, где лежит коробка, а внутри всё останется как было.

Я засмеялась. Мама тоже.

Потом мы обсудили поезд, магазин возле квартиры, её руку, которая болела на смену погоды. Я не стала говорить, что море поможет. Море не помогало со всем, как бы нам ни хотелось использовать его вместо обещаний.

После звонка я ещё несколько минут сидела в кухне. Арсений вошёл за водой, увидел меня и остановился возле холодильника.

— Что-то случилось?

— Мама приедет.

Он не ответил сразу. Я заметила, как напряглась шея.

— Когда?

— Через четыре дня. Снимет квартиру в городе.

Арсений кивнул.

— Если нужно что-то привезти или встретить...

— Я встречу сама. Но спасибо.

— Конечно.

Я смотрела, как он наливает воду. Хотелось спросить, страшно ли ему. Хотелось, чтобы ответ был «да», потому что мне самой было страшно, и я больше не хотела одинолично разбираться с этим чувством.

— Ты не рад? — спросила я вместо этого.

Он поставил стакан.

— Я хочу её увидеть. И боюсь.

Прямой ответ застал врасплох. Я опустила глаза на мокрый край стола.

— Я тоже.

Арсений сел напротив. Не пытался взять меня за руку. Мы немного помолчали, слушая, как Ася в подсобке разговаривает с Тимуром о новых полках.

— У тебя сегодня хорошие снимки получились, — сказал он.

— Ты видел?

— Марина показала. Особенно тот, где Ася со скалкой угрожает неизвестному человеку.

— Известному. Мне.

Он улыбнулся. Я тоже.

Когда мы разошлись, я вернулась в номер и впервые не убрала зелёное платье в шкаф. Оставила на дверце. Пусть висит. В моей жизни могли одновременно существовать незавершённый разговор, скорый приезд матери, работа и платье, в котором мне хотелось снова танцевать.

Глава 14. Вопрос без удобного ответа

Арсений

Журналистка позвонила, пока я выбирал между двумя почти одинаковыми дверными ручками. После первых трёх фраз различать их стало ещё труднее.

— Меня зовут Ирина, я пишу для городской редакции. Удобно поговорить?

— О чём?

— О «Маяке». И о летнем зале, который сгорел восемь лет назад.

Я положил ручки на стол. Через окно было видно Нику: она стояла во дворе, объясняя Тимуру, с какой стороны снять старую вывеску, чтобы не повредить буквы. Ветер откидывал ей волосы на лицо. Она придерживала их, смеялась и снова показывала на крепление.

— Слушаю, — сказал я.

Ирина не начала с обвинений. Спросила, кем я работал тогда, участвовал ли в подготовке мероприятия, сохранились ли документы и готов ли я встретиться. Сказала, что история отеля постоянно возвращается в городских разговорах, а теперь, когда появились новости об открытии, редакция хочет разобраться, что действительно произошло и что изменилось.

— Мне нужны проверяемые сведения, — добавила она. — Не пересказ того, что помнят соседи.

Я смотрел на Нику. Она отступила от лестницы, подняла камеру и сделала кадр.

— Документы у меня есть не все, — ответил я. — Я могу поднять свои. На вопросы о моей работе отвечу сам. За других людей говорить не буду.

— Хорошо. Когда можно связаться ещё раз?

Мы договорились о следующем звонке. Я записал номер, имя редакции, список вопросов, которые она обещала прислать. Рука не дрожала. От этого почему-то стало хуже: я слишком хорошо умел спокойно разговаривать о том, что годами отказывался произнести самому близкому человеку.

После звонка я ещё некоторое время стоял возле стола. Потом вышел во двор.

— Ника, есть пять минут?

Она опустила камеру.

— Сейчас?

— Да. Мне звонила Ирина, из городской редакции. Хочет материал об отеле и старом пожаре. Обещала прислать вопросы. Я дал согласие отвечать за свою работу после того, как подниму бумаги.

Ника перестала прикрывать глаза от солнца. Просто смотрела.

— Когда?

— Только что.

— Почему тебе?

— Знала, что я работал здесь тогда и вернулся сейчас.

Она провела пальцем по краю камеры.

— Про меня спрашивала?

— Нет. Если захочет говорить с тобой, пусть обращается к тебе. Я не давал ей никаких твоих объяснений.

Ника кивнула. Я почувствовал, насколько хотелось получить за это одобрение, и разозлился на себя.

— Перешли вопросы, когда прийдёт, — сказала она.

— Перешлю.

— И никаких ответов о гостинице от имени нас обоих до того, как обсудим.

— Хорошо.

Она осталась во дворе. Я вернулся в кабинет и открыл папку с документами, которую привёз с собой ещё до её приезда. Два листа были напечатаны недавно. Другие прожили восемь лет в файлах, переехали со мной несколько раз и теперь выглядели слишком аккуратными для вещей, от которых столько зависело.

Я разложил их по датам. На одном увидел собственную подпись и закрыл папку.

Через минуту открыл снова.

* * *

Весь день я делал нужную работу хуже обычного. Не ошибался катастрофически — просто медленнее считал, дважды возвращался за тем, что уже лежало в руке, отвечал Тимуру с задержкой. В какой-то момент он спросил, не спал ли я ночью. Я сказал, что спал мало, и услышал, насколько удобной оказалась эта маленькая правда.

К вечеру Ирина прислала вопросы. Я переслал их Нике без комментария. Затем позвонил в место, где когда-то работал, попросил поднять сохранившуюся переписку и получил обещание поискать. Никто не говорил, что это сделают к утру. Я не стал давить.

На втором этаже пахло краской и тёплым деревом. Двери в четырёх номерах уже стояли. В одной Тимур заметил перекося и не дал принять работу, хотя поставщик уверял, что «приживётся». Я смотрел, как он проверяет зазор, и думал о том, сколько ненужных катастроф начинается с желания назвать мелочь несущественной.

— Ты согласен? — спросил Тимур.

— Да. Переделать.

— Я не про дверь. Я говорил, что завтра до обеда буду на другом объекте.

Я выдохнул.

— Извини. Повтори.

Он посмотрел на меня без насмешки.

— Иди поешь, Сеня. У тебя от голода уже архитектура в глазах.

На кухне никого не было. На плите стояла закрытая кастрюля, рядом записка Аси: «Разогреть. Не есть холодное из воспитательных соображений». Я включил маленькую лампу над столом и начал искать тарелку.

Ника пришла через несколько минут. В руках держала ноутбук и яблоко.

— Есть будешь? — спросил я.

— Собиралась обмануть организм фруктом, но он, кажется, не поверит.

Я достал вторую тарелку. Она поставила ноутбук подальше от еды и села на край стула, босая, в широких брюках и тонком джемпере. Волосы были распущены. На запястье осталась светлая полоса от резинки.

Суп оказался густым, с фасолью и печёными овощами. Мы ели молча, пока голод не перестал занимать всё пространство. Ника разломила хлеб и подвинула мне половину.

— Прочитала вопросы? — спросил я.

Она кивнула.

— Нормальные. Отвечать всё равно неприятно.

— Да.

— Ты уже что-то поднял?

— Свои бумаги. Попросил поискать старую переписку.

Ника положила ложку. Я знал, что сейчас могу сказать главное. Не все подробности, не выводы за других, а хотя бы то, что принадлежало только мне. Я посмотрел на её усталое лицо и поймал собственную мысль: сегодня не надо, она едва поела.

Такая забота слишком часто работала на меня.

— Там есть вещи о моей работе, которые я должен был рассказать тебе раньше, — сказал я.

Ника не отвела глаз.

— Я уже поняла.

— Я не хочу...

— Подожди. Не начинай с того, чего ты не хочешь. Скажи, что есть.

Я провёл пальцем по ребру стола.

— Есть моя вина. Не только в том, что я уехал. В том, как работал перед пожаром и после него. Я собираю документы, чтобы не смешать память с тем, что было на самом деле. Но своё я знаю и без них.

Она долго молчала. Потом отодвинула тарелку.

— Я сейчас хочу спросить другое. И хочу прямой ответ. Почему ты не пришёл на пирс?

Я поднял голову.

Ника сидела напротив, совсем близко, и я почему-то прежде всего увидел, что ей неудобно на жёстком стуле. Хотел предложить подушку. Нелепое желание заняться чем-нибудь, что можно исправить сразу.

— Испугался разговора, — сказал я.

— Со мной?

— Да.

— Ты же собирался уехать со мной. Мы всё обсудили. Билеты, мою учёбу, твою работу.

— Тогда я хотел быть человеком, который всё сможет. После пожара понял, что мне придётся рассказать, кем я оказался на самом деле. И выбрал уехать.

Она моргнула. Медленно, как если бы в глаз попала соринка.

— А написать «не ищи» тоже было страшно?

— Нет. Было проще. Я знал, что ты будешь звонить, спрашивать, приезжать. Хотел сделать так, чтобы ты остановилась.

Ника отвернулась к окну.

Я не стал добавлять, что плакал потом в такси или что меня мучило от собственного сообщения. Эти детали ничего не меняли для неё, только предлагали пожалеть меня в середине её рассказа.

— У тебя получилось, — сказала она.

Я кивнул, хотя она не смотрела.

— Знаю.

— Нет. Ты не знаешь. Я потом долго думала, что любой человек может однажды просто выключить меня. Не поссориться, не объяснить, а убрать из своей жизни одной фразой. И мне останется самой придумать, за что.

Я упёрся ладонями в колени. Хотелось дотронуться до неё, но сейчас это было бы невыносимо самоуверенно.

— Ты ничего не сделала, чтобы я так ушёл, — сказал я. — Это был мой выбор. Не твой недостаток.

Она посмотрела на меня.

— Я умом это знала. Просто иногда хорошо услышать от человека, который всё устроил.

Я смог только кивнуть.

* * *

Мы вымыли посуду вместе. Ника включила воду, я вытирал тарелки. После разговора это казалось странным продолжением, но никто не хотел превращать каждую боль в эффектный уход из комнаты.

Она стояла сбоку от меня. Рукав съехал к локтю, на коже блестели капли. Я подал полотенце, она взяла, и наши пальцы на секунду встретились.

— Не надо сейчас быть особенно осторожным, — сказала Ника.

— Я не знаю, как быть.

— Я тоже. Поэтому давай хотя бы не изображать, что один знает.

В её голосе не было прощения. Было приглашение перестать играть роли, и от этого меня почти физически качнуло к ней.

Я положил последнюю тарелку на полку. Ника повернулась, оказалась близко и не отступила. Я чувствовал её дыхание, видел маленький след воды у виска. Она подняла руку, коснулась моего воротника, расправила загнувшийся край.

Это движение было настолько домашним, что на секунду стало больно.

— Завтра у тебя есть утро? — спросила она.

— До девяти.

— Я пойду к морю. Если хочешь, приходи. Только не раньше семи. Я не настолько изменилась.

— Приду.

Она убрала руку.

— Это не обещание, что мы что-нибудь решим.

— Я понял.

Ника забрала ноутбук и ушла наверх. Я выключил лампу, проверил плиту и задержался в тёмной кухне, положив ладони на холодный край стола.

Завтра мне хотелось прийти вовремя так сильно, будто за этим простым действием ещё могла стоять новая жизнь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.